

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

ШЕСТИНАДЦАТЬ

Тринадцать (Шопперт)

Андрей Шопперт

Шестнадцать

«Автор»

2026

Шопперт А. Г.

Шестнадцать / А. Г. Шопперт — «Автор», 2026 — (Тринадцать (Шопперт))

Нашествие хана Тохтамыша все ближе. Касьян как может пытается подготовиться к этому страшному событию.

Содержание

Глава 1	5
Событие перовое	5
Событие второе	7
Событие третье	9
Глава 2	10
Событие четвёртое	10
Событие пятое	12
Событие шестое	14
Глава 3	16
Событие седьмое	16
Событие восьмое	18
Событие девятое	20
Глава 4	22
Событие десятое	22
Событие одиннадцатое	24
Событие двенадцатое	26
Глава 5	28
Событие тринадцатое	28
Событие четырнадцатое	30
Событие пятнадцатое	32
Глава 6	34
Событие шестнадцатое	34
Событие семнадцатое	36
Событие восемнадцатое	38
Глава 7	40
Событие девятнадцатое	40
Событие двадцатое	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Шопперт

Шестнадцать

Глава 1

Событие перовое

– Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Вставай на врага, люд голодный – Коська напевал себе под нос, а сам паниковал и судорожно срывал на груди у Давыда одежды.

Благо времена ветхозаветные и пуговиц ещё толком не придумали, а если и придумали, то предпочитают не пользоваться ими. Сама идея пуговицы уже есть, но одежду носят в основном запахивая одну половину сильнее на другую и подвязывая поясом или кушаком по-другому, а части амуниции или вот рукава рубахи, например, тесёмочками подвязывают. У одного только Коськи и есть синий его лекарский кафтан с начищенными бронзовыми пуговицами. Смотрятся как золотые почти. Так он мог теоретически и золотые заказать кузнецам или ювелирам, хватит золота, ту же монетку флорин можно в пуговицу превратить, но зачем.

Так с пуговицами бы сейчас, при такой спешке, быстрее справился, а тут кушак этот шёлковый, и затянулся он так узлом, что трясушимися от страха и волнения руками фиг развяжешь. Не за себя страх, за Давыда Ворона сына боярина Дмитрия Михайловича Боброка Волынского, чёрт бы его побрал. Дебил малолетний. Полез пальнуть. Пальнул и теперь чего?! Теперь... Черт!

– Да развязывайся ты! – Касьян зубами вцепился в скользкий шёлк, так как руки у него тоже скользкие в крови бедного парня. Полез проверять, что с головой у палильщика, и в кровь вляпался. Разбита голова. Не помогла ерихонка, а может, наоборот, усугубила вред.

А ведь начиналось всё вполне себе празднично и даже торжественно. Князя, бояре, воеводы и прочие власть имущие, да даже митрополит Киприан приобщился с Алексием архиепископом Новгородским, который к нему в гости пожаловал, якобы, на самом же деле провел переговоры с князем Дмитрием Ивановичем, по окончании которых великий князь целовал крест Новгороду «на всей старине новгородчкой и на старых грамотах», которые подтвердили союз Новгородской республики с Московским княжеством. Все гости и хозяева собрались на кремлёвской стене около Беклемишевской круглой башни, чтобы произвести испытание первого на Руси Единорога литого. Насколько помнил Константин Иванович, там эти Единороги были и разного калибра и разной длины ствола, так что почему бы и эту пушчонку Единорогом не назвать. Калибр у этой был... как померить? где-то сто миллиметров и это, если на те нормы и названия переводить, что будут в прошлом – будущем, когда генерал-фельдцейхмейстер граф Брюс на основе шкалы Гартмана разработает отечественную систему калибров¹, при Петре, и введёт в России, то, наверное, 6-х фунтовый Единорог. Длина ствола при этом сто двадцать сантиметров.

Отлили это чудо передовой литейной мысли в мастерских у главного московского литейца Игната сына Семёнова. Вес ствола первого русского орудия около двадцати пяти пудов или четырёхсот килограмм, больше чем в реале у таких орудий, вес добавился за счёт бутылочной формы.

¹ Шкала Якоба Брюса разделяла орудия по артиллерийскому весу снаряда (чугунного ядра). Единицей измерения служил артиллерийский фунт – чугунный шар диаметром 2 дюйма и весом 115 золотников (около 490 граммов).

Не первое орудие, или, правильнее, не первый ствол. До этого почти полгода учились. Сначала ручницы лили. Дмитрий Иванович тридцать заказал. Но ведь это тридцать годных, в результате отлили более сотни. Из них выбирали. Потом Коська решил на кулеврины замахнуться, там вес до сотни кило доходил, и вот теперь Единорог. При этом Константин Иванович помнил, что во всём мире, и уж особенно в России, через пару веков, когда начнут более-менее их массово лить, то ударятся в две крайности. Делать (Отливать) их будут очень большими, практически неподъёмными, а во-вторых, и это главное – в украшательство ударятся. Если пушка называется Медведь, то там обязательно нужна медвежья рожа и куча всяких завитков и листиков на стволе и уж тем более на лафете. Только к Наполеоновским войнам от этой пагубной привычки избавятся и упростят до минимума сам ствол и лафет, а бутылочную форму ствола, так как бы не американцы первыми придумали. Сейчас этот Единорог, на пять сотен лет время опережая, уже бутылочной формы и с конической пороховой камерой для простоты и быстроты зарядки.

Пушка получилась с третьего раза. На первой была небольшая неслитина, явно металл при заливке был холодноват. Вторая из-за того, что все поняли, что нужно бронзу до большей температуры довести – перестарались и перегрели, в результате, она протекла через под, кирпичи температуры не выдержали, расплавились или сгорели, металл побежал мимо лотка и пожар при этом устроил. Опока ведь деревянная была, и лебёдка рядом стояла со всякими носилками и вёдрами. А вишенкой на торте большой ларь с древесным углём. Всё это полыхнуло.

Ничего, бог любит троицу. С третьего раза получилось всё нормально. Ствол и медные части лафета отлично пролились и пригар небольшой, угадали с температурой металла.

В день годовщины победы Великого князя Дмитрия Ивановича на Дону над воинством темника Мамай 8 сентября 1381 года и собрались все набольшие люди московского княжества и гости князя, приехавшие на пир в честь знатной победы на кремлёвской стене, чтобы испытать новое грозное орудие.

Стрелять из нового Единорога князь доверил боярину Фёдору Андреевичу Кошке, но тут Дмитрию Ивановичу в ноги бухнулся Давыд Ворон и попросил дать ему показать своё умение и выстрелить из орудия. Коська только головой покачал. Его ученик по занятиям самбо был вообще товарищем увлекающимся и любящим всё бабахующее и стреляющее. Можно младшего Боброка обозвать пылким выюношем со взором горящим. С ним, между прочим, Касьян и первую кулеврину испытывал. С ним пытался выстрелить из гранатомёта, в который переделали большой стационарный арбалет, восстановленный мастером Игнатом. Не получилось это испытание две недели назад. Горшок с порохом разорвался в воздухе. Слишком быстро прогорел бикфордов шнур. Сейчас готово ещё шесть гранат с разными по длине и толщине кусочками бикфордова шнура, но их испытания отложили, так как Великий князь Дмитрий Иванович решил потешить гостей стрельбой из нового, блестящего на солнце начищенной бронзой, орудия. Так что просьба боярича была в целом всем обществом одобрена. Покивал головами бомонд. В самом деле – самый опытный артиллерист из присутствующих. Фёдор Кошка улыбнулся понимающе в густую бороду чёрную в кольца завитую и передал факел на длинной рукояти добровольцу.

– А то руки заняты, как креститься, – хмыкнул он и сам парня тут же перекрестил.

Почему поднести факел к запальнику Единорога, тыкнув пальцем в небо, Великий князь неожиданно доверил Фёдору Андреевичу, несмотря на то что Фёдор Кошка был гражданским государственным деятелем, занимаясь не военной службой, а внутренними и внешними делами, непонятно. Чего уж сподвигло князя на это действие Коська не понял? Просто стоял ближе всех из бояр? Тут-то молодой Боброк и выскочил, как чёртик из табакерки.

Событие второе

Если бы кто поинтересовался его компетентным мнением, то Касьян сообщил бы интересующемуся, что он бы место для первого выстрела из новенького орудия выбрал другое, где-нибудь в лесу, подальше от любопытных глаз. А зрителей так лучше вообще бы спрятал за прочные деревянные щиты. Нет, для орудия это не первый выстрел, а третий. Но два пробных были с половинным зарядом пороха и без всяких зрителей уж точно. А этот не только с полным, так ещё и не холостой выстрел, а каменным ядром. Вырубили более-менее круглый шарик из камня диаметром сантиметров в восемь и верёвкой пеньковой обмотали. Вполне себе туго в ствол входил. Нда, именно об этом Михаил Юрьевич Лермонтов в «Бородино» и написал: «Забил заряд я в пушку туго. И думал: угощу я друга»! Пушку не в друга всё же направили, вдоль реки. И Касьян поделился со зрителями страшным секретом. Смотрите, уважаемые, если увидите всплеск на реке, то можно расстояние узнать. Ядро будет лететь со скоростью... м... как перевести четыреста метров секунду в современные единицы? Двести сажен в один удар сердца. Заряд примерно два фунта взяли. Улетит дальше версты, но может кто глазастый.

Зрителей этих набралось человек тридцать. Одних бояр десяток. Между прочим, Коська за время пребывания в Кремле одно собственное заблуждение разблудил. А когда разблудил, то усмехнулся. Это, если опрос там, в двадцатом или двадцать первом веке, провести, то таких заблудившихся будет девяносто девять процентов. Боярская Дума у людей в головах переплелась с Государственной Думой Российской Федерации и Советского Союза позднего и народ думает, что и Боярская Дума законы принимает. Может и принимает, но правильнее, если с будущим соотносить, то Боярская Дума – это Совет министров. Каждый боярин сейчас – это ответственный за направление действия Московского княжества. И вот Фёдор Андреевич Кошка – это скорее министр Иностранных дел. Правда, кроме того, на него и управление Москвой частично возложено. Эдакий Лужков с Козыревым скрещенный. А Боброк старший – это однозначно Министр обороны. Ну и командир полка до кучи.

Давыд, сияя, как все начищенные пятаки вместе взятые, принял факел, и как Коська его учил, заорал, срывающимся от волнения голосом:

– Бойся! Триста тридцать три! – и поднёс факел к запальному отверстию² Единорога.

Бабах, по ушам вдарило от души. Аж зазвенело у Коськи в левом ухе, повернутом к орудю. Хоть он и сам рот открыл и всем князьям и боярам упорно, несколько раз «рекомендовал». Интересно потом будет опрос провести, кто их длиннородых шкета безусого послушался и рот открыл. Бабах, и Касьян на шаг инстинктивно отступил. ВОТ!!! Вот точно так же отступил на инстинктах и Давыд Ворон. И запнулся о канат крепящий лафет. Касьян не стал изобретать орудия из наполеоновских войн. Эти орудия, которые теперь продолжают лить литейцы Игната, никуда транспортировать не надо, они будут на стене стоять и лучший вариант лафета – это тот, что будет на морских судах. Массивный на небольших мощных колёсах и для того, чтобы далеко не откатывался закреплённый на стене системой канатов. Не совсем, чтобы полностью они инерцию выстрела гасили, но при пробных двух выстрелах позволили откат ограничить одним метром.

Ширина кремлёвской стены в этом месте около пяти метров, хотя может больше, нет рулетки. Орудие поставили в полтора примерно метрах от края и откат метр. Вот там последний «страхующий» канат и был натянут на высоте тридцати сантиметров от каменной площадки, предназначенной для порога, читай катапульты.

Парень споткнулся об этот канат и... и впереди, ну или позади него ещё два с половиной метра. Нда, захочешь упасть, так не получится. Вот только там дальше лежали камни от ката-

² Орудийный запал – сквозной канал в артиллерийских орудиях, через который воспламеняется пороховой заряд.

пульты и пытаюсь сохранить равновесие, чтобы не упасть на задницу, Давыд сделал шаг назад, потом ещё один и споткнулся о грудку камней. Перелетел через неё и попытался подняться, но нога подвернулась и, споткнувшись в третий раз, младший Боброк полетел со стены вниз внутрь Кремля, по пути ударившись головой о ступени ведущей на эту площадку каменной лестницы.

Кричал парень недолго. Чего тут падать, и десяти метров нет. Наверное, девять или даже чуть меньше.

Коська, стоявший чуть в стороне, не толкаться же среди князей и бояр, смотрел как раз не на пушку, а на бомбардира Ворона, уж больно парень суетился, ещё сунет факел в открытый бочонок с порохом, что находился метрах в пяти от орудия. Не, ну не должен, но кто их этих Воронов знает. Он как-то на тренировке, когда его Касьян удачно отправил в полёт, продемонстрировав бросок через плечо в стойке, подбежал, поднявшись, не благодарить мастера за науку, а к стоящему рядом ратнику и, вырвав у него копье, понёсся на Коську. Как там у Высоцкого: «Ну, сумасшедший, что возьмёшь»?

Мог бы и нанизать муалима на булавку, как бабочку, хорошо расстояние было приличным, и Коська в последний момент сумел упасть под ноги Ворону этому. Тот тогда тоже классно споткнулся и плюхнулся рыльцем в грязь... Ну, как грязь? Лошадей-то полно. Так тут скорее грязе-навозный субстрат. А кто убирать запрещает?

И в этот раз Давыд явно в эйфориях пребывающий, больно много суетился и Коська наблюдал за бояричем, словно предчувствуя беду.

Событие третье

В первую секунду никто ничего не понял, да даже увидели падение Давыда далеко не все. Народ, Коськой заинтригованный, смотрел на реку и считал удары сердца. А вот сам автор смертоносного дивайса узрел падение и мысленно, да и вслух, выматерившись, бросился к лестнице. Она не как в домах зигзагами всякими и даже не как в башнях винтом, нет до таких изысков конструкторская мысль ещё не добралась, лестница шириной метра полтора просто шла вдоль стены. И что примечательно никаких перилл.

Уже несясь вниз по этой конструкции, совершенно не по ГОСТу выполненной, ступени мастера изваяли чуть уже ступни нормального человека и спускаться очень неудобно, Коська слышал крики сверху. Бояре и князя заметили потерю бойца. Так и снизу закричали. Там находились те, кого лицеизреть бабах на стену не пустили. И ведь могли бы поближе к стене стоять и тогда смягчили падение парня. Хотя. Вон полно товарищей с копьями и в остроко-нечных шеломах. Может и хорошо тогда, что стояли на приличном расстоянии от стены. Хоть на копье Ворон не нанизался.

Сколько там гипотенуза у треугольника со стороной в восемь метров? Коська, перепры-гивая через три ступеньки, и где-то в конце потеряв равновесие, из-за узости этих ступеней, скатился вниз за несколько секунд и поднявшись с колен сразу поспешил к лежащему на спине Боброку младшему. Сунул руку под голову, хотел чуть отодвинуть от лужи, в которую боярич рухнул ногами, но сразу почувствовал кровь на руках и опустил пострадавшего от его прогрес-сорства парня назад, если сломан позвоночник, то лучше не трогать.

Нужно было добраться до груди, чтобы туда энергию лекарскую вливать. Так это или нет Касьян не знал, но Язеп уверенно не раз повторял, что в случае лечения всяких внутренних болячек нужно воздействовать именно на грудь. Эксперименты сейчас точно не время прово-дить и Коська попытался добраться до груди. Погода в годовщину битвы на поле Куликовом стояла совсем не соответствующая самому началу осени. Никакого бабьего лета. Лето бабы... Яги. Пасмурно, хоть дождя и нет, и холодно, не прохладно, а холодно, в районе нуля темпера-тура. В такую погоду дома у камина сидеть ноги к огню вытянув и кота на коленях поглаживать. Потому, все бояре с князьями в шубах выперлись. В шубе и Давыд. Коська принялся развя-зывать кушак, стягивающий полы шубы, и только справившись со скользким шёлком зубами осознал, что он дебил конченный. Под шубой была кольчуга, он утром сам настоял, чтобы «ученик» её надел, если стрелять решился. Пусть факел на длинной ручке приделан, но что такое при разрыве ствола два метра. Вряд ли и кольчуга с ерихонкой помогут, ну разве разо-рвёт удачно и не в бомбардира основные осколки полетят. Повезло же Александру первому тоже пушку разорвало, когда он в отрочестве палил из неё, в результате только тугоухим на правое ухо стал... или на левое? Да не важно. Повезло, осколки мимо пролетели.

– Блин блинский, – Коська наложил руки на самый верх груди Боброка меньшого, засу-нув ладони под кольчугу, – Ну же! – не получилось сосредоточиться на выпуске зелёного пламени. – Мать вашу, Родину нашу, ну же! НУ!!!

Глава 2

Событие четвёртое

К тому, что его аккумулятор лекарской энергии постоянно переполняется, оказалось невозможно ни привыкнуть, ни как-то это исправить. Да, Касьян методом проб и ошибок определил... м... догадался, что переполнение внутреннего источника зелёного пламени, а потом неконтролируемое его использование, чуть увеличивают ёмкость аккумулятора. Но не сильно. За остатки зимы, весну полную и лето, тоже окончившееся уже, Коська, пятнадцать раз сунувший пальцы в розетку, раскачал внутренний запас раза в полтора. Теперь мог шестерых человек гарантированно очень серьёзно подлечить за раз. Нет, нога не отрастёт. А вот зубы, например, начинали расти вполне себе и до кучи от всякого кариеса и пульпита избавлялись, как и переломы срастались, ну и раны затягивались. На особо сложные случаи, например ранение внутренних органов, приходилось делать и по три подхода. Но с такими проблемами только два раза обращались. Ратники князя Дмитрия Ивановича пытались избавить Москву от татей. Получалось точно, как во всех книгах и написано. Пока толпа стояла, наблюдая, как сажают на кол очередного любителя чужого добра, у некоторых зрителей – ротозеев срезали кошельки. И Константин Иванович вполне себе отлично представлял, что ничего не изменится и за чуть не семь сотен лет, ладно, за шесть с половиной. Так что, когда при нём говорили, что это из-за недорода в плохое лето крестьяне взялись за вилы и ушли в лес татьбу учинять, то только заставляли парня усмехаться. А в конце двадцатого века, тоже недород заставлял любителей быстрого обогащения угонять машины или грабить ювелирные магазины, да просто квартиры обносить?! А в девяностые годы качки из своих подвалов тоже от голода повылазили? А мошенники телефонные в двадцать первом веке от того, что у них дети с голоду умирали, обманывали пенсионеров?

В Швеции или Дании там практически нет преступности? Ну, в смысле, не будет в двадцать первом веке. И это оттого, что все сытые? Ну, чёрт его знает. Воспитание? Прогресс социальный за пару сотен лет? Опять же, в богатой Америке ничего такого не произошло. Там количество сидящих в тюрьмах бьёт все рекорды.

Так раненные были именно ратники, захватывающие малины бандитские, не желали добровольно тати сдаваться, сопротивлялись. Но таких было раненых не лишку. Основная масса страждущих к князьему лекарю ломящихся и записывающихся за месяц в очередь на приём были именно с зубами. Коська на эту золотую жилу почти случайно напоролся. Болел зуб у Вельяминова младшего, он к брату Епифанию пришёл, а тот в это время занимался ратником, что ногу подвернул, с лошади упав. Вот Коська его и «заговорил». А заговор сработал странно, через седмицу два вырванных до этого кузнецами зуба начали расти в третий раз. Ещё через неделю уже очередь к князьему лекарю «Литвину» выстроилась. Всем охота иметь здоровые зубы, а если при этом ещё и потерянные отрастут, то это просто сбыча мечт.

При этом народ в Кремле вполне себе не бедный, и хоть Коське особо денег и тратить некуда теперь, так как почти на полном пансионе вновь живёт, но раз несут серебро, а иногда и золото, то не отпихиваться же от него. Злато-серебро оно такое, ты его оттолкнул, и оно тебя обходить стороной начнёт.

В Москве купцов хватает, Касьян сумел меха пристроить и даже часть серебра на золото поменять, чтобы уменьшить вес имеющихся ценностей. Соотношение цены золота и серебра сейчас в зависимости от того продаёшь или покупаешь один к десяти или один к одиннадцати, а плотность отличается всего в два раза, так что, меняя серебро на золото, вес захоронки в десять раз уменьшается, а объем в двадцать.

Закопал Касьян золотые кругляши и жуковицы с серьгами разными там, где регулярно в обморок падал, за кузницей. Копать там кроме него никому в голову не придёт. Место как туалет используется, кто же в таком месте кладоискательством будет заниматься?

– Ну, же! – Касьян попытался успокоиться и открыть поток зелёного огня. Не получалось, и парень начинал ещё сильнее волноваться. Пришлось даже к математическим методам прибегнуть. Нет, не до десяти считать, сто раз убеждался Коська, что работает это средне. Гораздо лучше успокаивает, повторение таблицы умножения на семь, например. Как до семь на восемь доходишь, то уже последнюю цифру можно не применять. Сработало и в этот раз. Зелёная энергия или пламя хлынуло рекой полноводной из его рук на грудь молодого Боброка.

– Фух! – Касьян решил, что при таких травмах, и ещё и головой врезался артиллерист хренов, нужно считать до ста восьмидесяти. Три минуты должны с внутренними кровотечениями, если они есть, справиться.

Могло не помочь? Да, легко, если у Ворона селезёнка разорвалась, то никакая энергия хоть зелёная, хоть синяя, не помогут. Всему есть предел. Она усиливает регенерацию, а вот мёртвых точно не воскрешает.

Из уголка рта Давыда вытекала тонкая струйка крови, значит, точно что-то с внутренностями не так. Хотя мог и язык тупо прикусить, летел, кричал. И тут ступеньки лестницы.

– Сто семьдесят девять, сто восемьдесят, – Коська вытащил ладони из-за ворота кольчуги и прикрыл глаза. Три минуты почти полностью исчерпали запас привлечённой энергии. Он уже с неделю назад ходил подзаряжаться. Поистратился. Теперь всегда с Сашкой за кузню ходит. Бросила она чудить. В тот, в третий раз, тоже она парня вытащила из-за кузницы. Прибежала, рассказывает, а литвин там валяется опять и даже не дышит. Как заголосит, как заорёт, что даже кузнецы слышали, не помог им звон молотов. Сбежались, опять водой облили и порычали, нашёл вишь место, где в обморок падать. Ты, это давай там в Кремле своём падай, неча тут. Тут вам не там.

Событие пятое

– Ты, Литвин, не думай, мы добро помним. И не только помним, но и воздаём за него. Так что владей и не прекословь, – Дмитрий Михайлович Боброк Волынский протянул Коське пергаментный свиток, тесёмкой шёлковой перевитый.

Касьян не потому физиономию скривил и глаза выпучил, а брови поднял домиком, что не хотел в благодарность за спасение сына принять от старшего Боброка деревеньку, а потому что у деревеньки уж больно нарицательное название. Кто же в будущем не слышал про Барвиху? Дворцы там всяких олигархов построены. Но известно оно, скорее, не этими дворцами, а менее дорогими домами звёзд кино и эстрады. Вроде у Фёдора Бондарчука там дом, Укупник живёт, Меладзе, Мазаев, да многие из тех, кто часто по телеку мелькают. Ну, вот сбылась мечта идиота, теперь и он в Барвихе может себе дом позволить. А если шесть с гаком сотен лет проживёт, то продаст земельные участки под строительство всем этим звёздам. Ай, Семён Семёныч, раскулачат же после революции. Там землю национализируют. Вот гады!

– Двадцать вёрст на Закат от Кремля. Речка Семинка в Москву реку впадает. На берегу и расположена деревенька. Семь дворов и домик мой рубленый, пятистенник с подклетью. Банька хорошая на берегу речки. Владей, не откажи. Боброки добро помнят, – по третьему разу начал воевода.

– Благодарствую, Дмитрий Михайлович...

– Всё, слава Богу, тебе спасибо, лекарь. Сынок не единственный, но наследник и опора мне. Чуть не потеряли, – боярин троекратно перекрестился и поклон поясной Коське отвесил.

– Спасибо, – Касьян уже пришел в себя и даже мысль одна интересная голову его рыжую посетила. Мысль плохая. Да, чего там, просто хреновая мысль. Теперь уже меньше, чем через год, в конце августа, сюда с ордой придёт хан Тохтамыш. И даже если в этой реальности Дмитрий Иванович не сбежит из Москвы с Владимиром Храбрым и всей семьёй, да и с боярами всеми почти, и даже отобьётся, то вот помешать поганым разорить саму Москву и окрестности ему никто не сможет. В носу не кругло. Сожжёт там всё и людей в полон угонит. И его теперь людей из Барвихи тоже угонит?! Обидно, понимаешь.

Крестьяне эти, семь дворов которых, не крепостные. Могут подняться и уйти на новые места. Нет ещё крепостного права, как такового. Холопы есть. Куда без них, но это либо пленные, либо отработывающие свои долги. Его там только земля. Теперь его. Хочешь жить на этом месте, живи, стойся, паши, только подати плати. В Коломне Коська наблюдал за бытом обычных крестьян в Подмоскovie. Что можно сказать? А то, что его село рядом с Менском на порядок целый, в десять раз, богаче и обустроенней что ли. Здесь вечные набеги татар, да междоусобица князей не дают людям жирком обрасти. Выживают крестьяне, не богатеют. Им чуть не каждые несколько лет приходится жизнь с нуля начинать. Поплачут на пепелище, из лесной землянки выбравшись, похоронят родичей не успевших сбежать или на русский АВОСЬ понадеявшихся, помогут похоронить односельчан и начинают разбирать полусгоревшую полуземлянку. Всего на несколько венцов из земли выступающую. Сгоревшие венцы уберут, а на их место пару новых, вот и всё строительство. Спускаться в такую домину нужно внутрь по земляным ступеням. И там из мебели пару лавок и стол, а из всех удобств очаг из необработанных камней и глины слепленный. Сгорит Москва через год, а к следующему году уже большую часть домов восстановят. Это не новый терем возводить с балясинами и пятахами на коньке. Это шестнадцать брёвен. И полубрёвна на лаги.

Коська не сомневался, что так и его деревня выглядит. Даже не село. Нет церкви хоть бы и клёцкой. Оно и понятно, семь пахарей не прокормят попа. Скорее всего по воскресеньям в соседнее село в церкву ходят.

Как все прогрессоры, должен теперь Касьян съездить на эту вотчину посмотреть и начать там стальные колёсные плуга вводить и навоз на поля вывозить, а ещё печи нормальные строить. И обязательно заслонку чугуневую в трубе и колосник, да и кольца конфорок... а дверцы ещё и саму чугуневую плиту. Нда. Ещё бы чугун изобрести. Коська поинтересовался про свинское железо у Игната. Никто его никуда не выбрасывал использовали как флюс при кузнечной сварке или снова в садку домницы отправляли, и Свинским железом не называли. В основном было в ходу название грязное железо. Где-то читал Константин Иванович, что название это переняли у англичан, те обзывали чугун «свинским железом» – pig iron. Но пока этого нет.

И никуда пока прогрессорствовать Коська не поехал, во-первых холодно и дожди, должно же Бабье лето наступить, вот тогда можно и скататься. Двадцать вёрст. Это если рано утром выехать, да час там, то к вечеру и вернуться можно. Но, есть ещё и, во-вторых. Нельзя сейчас прогрессорствовать. Тохтамыш впереди маячит с набегом. Вот как он уберётся к себе в степи, тогда уж... Ну, кое-что можно попробовать. Хоть коней нормальных им купить и коз. Сыр научить делать. Пусть богатеют.

А сейчас до весны? Нет, всё же съездить надо и с полным запасом энергии зелёной во внутреннем аккумуляторе. Там точно полно больных детей и стариков. Ну и может узнать, что там у них с зерном до нового урожая. Купить семь возов пшеницы и туда отправить – это такие копейки, что и думать не о чем. На грош можно мешок купить да не зерна, а муки уже. Уж несколько десятков грошей найдёт. Но вот животных покупать до нашествия поганых нельзя. Люди будут стараться их спасти и сами погибнуть могут.

– Благодарствую ещё раз боярин. Пора мне к князю. Сегодня не лечил ещё.

Событие шестое

Наступило! Бабье лето наступило. Не так, чтобы уж совсем Июль. Но градусов десять тепла, и солнышко по промытому дождями голубому небосводу плетётся рысью как-нибудь, не встречая ни одного облачка. Коська в дорогу взял Сашку, куда же без неё, и Демид. Ну, это как бы слуга, охранник, повар, конюх и мозгоклюй в одном лице. Вообще, Демид был ратником княжым. Участвовал в походе на Дон, на Мамаю ратиться ходил, и там ему стрела вражья попала в колено. С коня он свалился и с поля боя уполз. Перемотали рану, мазь наложили... и всё на этом. Лекарей на тысячи раненых не хватало. Да, лекарей их всегда не хватает. В результате, охромел Демид. А по дороге ещё и простыл. Осень всё же. Ночью холодно. Еле живым его довезли до Москвы, где и выкинули из дружины. А если добавить, что пожар 1379 года оставил ратника без жилья и жены с мальчонкой годовалым, то можно с уверенностью сказать, что остался Демид без кола, без двора... и без ноги. Сохнуть она начала.

Коська повстречал бывшего ратника на рынке, тот милостыню просил. При этом нужно было эту картинку видеть. Стоит такой мордovorот под метр восемьдесят пять и в плечах метра полтора и крестится пудовой гирей, а тьфу, кулаком пудовым.

– Держи, – Коська ему целый грош выделил, – а чего здесь? – не, ну не похож этот бивень на нищего.

– Немочен... – *милостивец* этот покраснел под бородой рыжей. Не такой совсем красной, как у Касьяна, но и не просто рыжей, блёклой, соломенной. Именно рыжей. Яркой.

– Я лекарь. Чего болит?

Так и познакомились. Ногу тремя вливаниями по полторы минуты зелёного огня Коська не вылечил полностью, но регенерацию и обрастание мышцами запустил. За полгода у бывшего ратника только лёгкая хромота осталась. В дружину откуда ему под зад коленкой дали, богатырь не вернулся. Ясно что в слуги к Коське не набивался. Ратник – это каста. Где вой и где холоп?! Случайно прибился. Касьян делал третий раз ему вливание зелёного огня в ногу, когда прибежала с выпученными глазами Сашка и голосить начала с порога, что Герда помирает.

Герда она как член семьи почти. Самая умная кобыла из всех Коськиных знакомых кобыл. Ну, разве Сашка умней. Она разговаривать и орать вот ещё может. Герда должна была рожать... м... выжеребка эта операция называется. Но вот как это слово будет в родительном падеже, да ещё, если не существительное, а глагол, парень себе представить не мог. Так что Герда рожала. И видимо что-то пошло не так. В княжьем конюшне, где стояли Орлик и Герда всяких конюхов и коновалов хватает, и даже лекарь конский есть. Слабенький совсем целитель, Касьян наблюдал, как он лечил одного жеребца захромавшего, так там такие крохотные язычки зелёного пламени из его пальцев вылетали, что их, если бы не полумрак в конюшне, и не заметить можно.

– Хм, пойду я посмотрю, – Коська хотел третий сеанс чуть дольше сделать, до ста пятидесяти досчитать, – но Герда же. Если Сашке верить умирает вон, а ногу ратнику бывшему можно потом ещё раз полечить. Ничего плохого с ней уже не случится.

– Тоже схожу, – кашлянул богатырь, – отец знатным коновалом был, многому научил. Там этот Осип не понимает ничего в лошадях, зачем только держит его князь, родич Вельяминовский дальний, вот и не выгнали до сих пор.

– А чего опять кашляешь, – уже на ходу спросил амбала Коська.

– Так простыл в дороге и прилепился с тех пор. Кха. Кха.

– Ладно, мы в ответе за тех... Полечу и грудь. А ты чем сейчас занимаешься, Демид?

– Знамо, чем, ничем. Таскаю...

– В смысле, круглое таскаешь, а квадратное катаешь?

– Во-во! Кха. Кха.

– Господи!

Они дошли как раз. Ну, страшное зрелище, и громкое и... И ну его такое зрелище.

– Отойди лекарь, помогать кобылке надо первый раз жеребится и не так пошёл. Помогать надо. Потом приготовься, лечить надо будет Герду твою.

Коська вышел из конюшни и даже отошёл на десяток шагов. Уж больно жалобно кричала Герда. Хоть уши затыкай. Нет, к нему каждый день по несколько больных приходило, и сам он по усадьбам боярским чуть не каждый день ходил, богатеньких пользовал, но людские стоны и слёзы легко переносил, а тут прямо край, невыносимо.

– Литвин, литвин, иди к кобыле, помоги ей. На Осипа этого кака надежда. Да никакой надежды. Неумеха.

Жеребёнок был вороной. Почти, бабки белые и звезда на лбу. Крупненький.

– Дестриэ будет, хороший конь будет... коли пригляд будет. А где тут пригляд. А нетути пригляду. И Осип ещё.

Под этот монотонный бубнёшь Коська влил остатки все лекарской энергии в Герду, ну и самую малость в жеребёнка. Боялся навредить.

– Слушай, Демид, а ежели ты квадратное катаешь от нечего делать, так может пойдёшь ко мне конюхом. Ну, хоть на время пока нога полностью не восстановится и пока пригляд жеребёнку нужен. Я тебе... два гроша в месяц буду платить... да, ладно, пусть будет четыре гроша. Еда с меня. Шмот... одёжка тоже. Только вот жить... Не в хоромине же. Там нет места.

– Так и не треба. В людской переночую, а днём при конюшне. Может опосля дом... Ну, опосля. С ногой сначала разберусь.

Так Касьян и стал нанимателем этого богатыря. И сто раз пожалел об этом. Наверное, можно было нормального конюха нанять. При всех своих достоинствах был у Демида огромный недостаток. Он был максималистом. Или по-другому – перфекционист. И ладно бы он сам все старался сделать хорошо, нет, у него был бзик. Все должны всё делать идеально. А если кто пытался увильнуть, то начинал нудеть.

– Литвин, а литвин, ты же обещал хорошую щётку купить для жеребчика. Ты сходи на рынок, а то Сашку пошли или давай денег я дохрамаю.

– Хорошо. Завтра схожу.

– Литвин, чего завтра и сегодня нормально, ты сходи на рынок-то, разве же это щётка, только царапает Воронка. Не, давай я дохрамаю, или вон Сашку пошли. А то чистить надо, а она только царапает. Так сходи.

Отвязаться или прикрикнуть на мозгоклюя не получалось. Он не понимал. Набывчивался засучивал рукава рубахи огромной и нудеть начинал с рычащими нотками в голосе. При его размерах приходилось вставать и браться за «поручение» этого богатыря. Не хотелось проверять, а какая будет третья фаза нудения, после рычания. А то будет вразумление. Тут одного подзатыльника хватит, чтобы до того рынка кубарем докатиться.

Глава 3

Событие седьмое

– Ты это, Литвин, зря муку-то белую везёшь. Ржаную бы лучше. Али просто рожь. Ещё лучше рожь-то немолотая. Мука она не лежит. Она влагу натянёт и всё, на выброс. Беда только, а не подмога. А ржицу-то, ржицу и в углу можно пару мешков держать, и в подклети, если есть подклеть-то. Опять же хватит на дольше. До весны нет, не хватит, а так-то подольше хватит.

– Чего там хранить, по одному мешку на семью? Это так, для знакомства. Вот приедем, узнаем, что кому надобно. А рожь... А в зерне ржи есть такие чёрные крупные зёрна... забыл, как называются. Но зато помню, что яд в них в этих чёрных зёрнах. Яд этот спорынья называется. Болеют люди от него и умирают, с ума сходят. Дети мёртвыми рождаются. Нельзя есть рожь, не перебрав от этих зёрен. Это гриб такой, ну как мухомор. Только такой маленький... пылинка чёрная.

– Яд...

– Вспомнил. Читал же. Псевдосклеротий. Во! Чувствуешь. Даже слово ядовитое. Склеротий. Фу! – Касьян, сидевший на передке телеги рядом с Демидом, даже рожу скривил и сплюнул. На хвост Орлику попал и тот дёрнул им, брызги слюны назад в плювателя посылая. А нефиг.

– Точно ли, Литвин? Чего раньше-то молчал?! Всем надобно сказать. Так ежели перебрать рожь-то. Ржицу ежели перебрать, скронций этот выбрать, то можно есть? Ржаной-то свежий хлебушек ой, как вкусён, – глаза этого максималиста загорелись, – Пахнет как! И сытно.

Всё хана барвихинцам, он из них всю душу вытрясет и заставит все чёрные зёрна из всех мешков ржи добыть и... Умный.

– Яд, говоришь, Литвин?

– Псевдосклеротий. Сильный яд. Не сразу убивает, но гарантировано. Если понемногу есть, то просто болеть будешь и проживёшь недолго, а если...

– Хватит, не кричи на всю Москву, лекарь. Представляешь, что начнётся? Бунт будет. Только бунта сейчас и не хватает. То-то я смотрю, ты чёрный хлеб не ешь. И Сашка твоя не ест. И сейчас белой муки купил. А мне раньше чего не говорил? Я пустьдохну?! Я ведь люблю хлебушек аржаной. Нда. Кто же в Кремле перебирать будет? Никто не будет. Блажь думал. Боярские замашки думал. А тут вон чё. А меня лечил коли, то скрендоции эти лечил? – Демид не остановил Орлика, трусили, пробираясь сквозь запруженные улочки Москвы к выезду на дорогу, ведущую на закат.

Солнышко выглянуло и словно по команде все десятки тысяч москвичей выбрались на улицы, полностью их перекрыв повозками и телегами. Потому, двигались со скоростью две версты в час, и теперь уже точно назад сегодня вернуться не успеют. Придётся ночевать в Барвихе. Коська посетовал на это.

– Дом у Боброков был, говоришь? Так там и заночуем. Ничего, сам говорил лечить может надо кого. Да и негоже только приехать к люду и бежать сразу. Наболело чай у люда. Погутарить треба. И про скрендоций твой я людам поведаю и прослежу, чтобы перебрали.

– Склеротий.

– Ох гадко звучит!!! Ох, гадко! Прости, Господи, прямо адом тянет от слова этого. Ты его, Литвин, коверкай, а то притянешь нечисть из преисподней. Скрендоцием называй. Не тугоухий я, и в первый раз услышал. Но Бога-то, Бога, чего гневить. Коверкай.

Выбрались под брюзжание Демиды на дорогу только через пару часов. При этом чуть плетей не заработали, решил ратник бывший, правящий Орликом, немного срезать и проул-

ком пробраться. Благо Москву вдоль и поперёк знал. Свернули в узость эту, а навстречу два десятка ратников на конях. А они с телегой своей огромной, Коськиной, перегородили полностью проулок, не разъедешь. Десятник уже плетью замахнулся на дурней, но тут Демид встал на телеге во весь рост и гаркнул:

– Семён! Ты погоди тут плетью махать. А ну сдай назад! Мы не смогём ужо!

– Демид? Стоишь? А нога? Вона как?

– Сдай, потом в Кремль заедь, на конюшне княжьей меня найдёшь. Спешим мы. Это не кто-нибудь, а Литвин, лекарь княжий, так что сдай по-хорошему.

– Добро. Раз лекарь, чего не сдать. Повертай коней, вои. Пропустим княжьего лекаря. Демид, ты готовь угощение, с Володимиром заедем к тебе на днях. Поведает, как живёшь.

Всадники пропустили их перегруженную мукой телегу, и вскоре они выбрались на дорогу, идущую меж полей и перелесков.

Близость Москвы долгонько ощущалась. Непрерывный поток телег и всадников в оба направления. Брели и пешцы, но те старались на дорогу не соваться, тянулись пыльными серыми группками по обочине, а если позволяло место, то и ещё дальше по тропке вдоль дороги. Понять их было можно. Пыли было столько, что дышать, не чихая и не кашляя, было невозможно. Вроде пасмурная и даже сырая погода до этого стояла, всего-то второй день вёдро, а поди ты, всё высохло, и теперь колёсами и копытами поднимается в воздух тонкая глинистая пылюка.

Слава Богу, вскоре они свернули с тракта этого, который шёл на Можайск, а далее на Вязьму. Они через пару вёрст свернули на север с тракта и народу сразу в десятеро уменьшилось, а с народом и пылюка исчезла. Дальше же вообще хорошо, заехали в лес и, мешавший кроме пыли наслаждаться жизнью прохладный порывистый ветер застрял в ветвях вековых сосен и елей. Тишь, да гладь, да божья благодать.

– Может арбалет достать? – видя, что попутчиков не осталось, и они едут по мрачной лесной дороге, поинтересовался у бывшего ратника Коська. Он большой полоцкий арбалет с собой прихватил на всякий случай. Теперь это вообще вундервафля. Там взвод тетивы осуществляется вращением ручек, которые через две шестерни передают усилие на крюк, прикрепленный к тетиве. Получается дольше, чем если руками заряжать. Но зато теперь у Коськи точно сил хватит и пять и десять раз подряд зарядить.

– Здесь-то? – Демид сплюнул в кусты. – Здесь не озоруют. Здесь тихо. Москва рядом.

– А ну стоять! – гаркнули из оплётанных кустов.

Событие восьмое

Впереди метрах в пяти из-за соседнего куста и молодой еловой поросли выскочили на дорогу два мужика с обеих сторон дороги, у одного вполне себе хороший меч в руках, второй с ножом в левой руке и дубиной, наподобие биты, в правой. А из оплётанных кустов степенно так, аккуратно ветви раздвинув, выбрался бородач в кольчуге и шеломе с коротким копьём в руках, но и меч в ножнах на поясе дорогом, кожаном, украшенном серебряными блямбами, висел. И ножны дорожные, тоже в серебряных украшениях.

– Стоять, говорю! – мужик этот вышел со стороны Демида и Коська дёрнулся, чтобы взять арбалет, лежащий позади в полутора метрах, прикрываясь ратником бывшим, но тать заметил движение и рыкнул, подходя ближе и копьём движение сделал, показывая, что если что, то достанет.

– Это лекарь княжий... – начал было Демид, видимо хотел зубы заговорить главному разбойнику, сам же в это время из ножен кинжал доставал правой рукой.

Но тут Коська влез в противостояние.

– Фрол?! Фрол, твою налево! Это я – Касьян.

Бряк. Это бородач копьё выпустил, и оно ударилось железным наконечником об борт телеги. Не, сейчас все бородачи. И Демид вон бородач. Барбароса эдакая. Но тут другое. У этого она до пупа и две косички, как у викингов по краям, прямо – БОРОДАЧ. Сразу глаз за неё цепляется, потому в первую минуту Коська и не узнал десятника дружины князя Остея. На бороду смотрел, а не на кусочек лица от волос свободный. Нос, например.

– Касьян? – ратник шагнул ближе к телеге и вперёд, чтобы Демид обзор не перегораживал, – Ха! Вот встреча, а позади арбалет лежит?! Удачно, что не в руках. Уже бы со стрелой в глазу в кустах валялся.

Коська спрыгнул с телеги и поднырнул под оглобли и вожжи, чтобы оказаться с той стороны. Облапил боевого соратника.

Облапил – правильный глагол. Фрол он не вырос за те девять или сколько там месяцев прошло с тех пор, как князь Остей убит с батенькой. Самого Остея потом Коська видел несколько раз, да вот десять дней назад видел, когда из Единорога палили. Он опять с Дмитрием Ольгердовичем – одним из героев Куликовской битвы приехал в Москву годовщину праздновать. Так не подросток Фрол, а вот Коська вытянулся знатно. Есть период в подростковом организме, когда он не просто растёт, а прямо прыгает вверх на десяток сантиметров. Именно это и с Касьяном произошло. Если в те времена... м... ну, пусть девять месяцев назад, он был ростом где-то сто шестьдесят сантиметров, то теперь все сто семьдесят пять. Точно, понятно, не измеришь. Константин Иванович, используя всякие дюймы, вершки и прочие местные меры, в том числе и литр, пытался шкалу сделать. Сделал, чего бы не сделать, раз хочется. Вот только никакой гарантии в её точности нет. Мог и метр получиться, могло девять-сто восемь сантиметров, а могло сто два. Примерно вот такая точность. И вот эта шкала сейчас в нём намеряла сто семьдесят пять сантиметров. По нынешним меркам богаты... дрищ. Это Дмитрий Донской со своими метр семьдесят три, ну, по коськиной шкале, богатырь. Жирок лишний сошёл за эти девять месяцев, не Шварценеггер, но здоровый такой битюг. Мощью веет. Так Касьян теперь его чуть выше, но серна тоже выше носорога. Но никто её богатырём не назовёт. Дрищ он и в Африке дрищ. Или, где там серны водятся?

В общем, Коська стал выше богатыря князя и выше богатыря Фрола. Сверху вниз обнял. Десятник Остей тоже знакомя облапил и даже, от земли оторвав, заржал.

– Помню твою сказку про ёжика. Сильный, но лёгкий. Но вырос-то как! Вырос! Прямо и не узнать. Парубок настоящий. Жених. А ну отстанись. Рассмотрю тебя. Ой, подросток. И

усы эвон пробиваются. Хм, – Фрол ещё на шаг отступил от Касьяна и теперь Сашку оглядел сжавшуюся в комочек на задке телеги.

– Конокрадка?! Имя подзабыл. Так и таскаешь с собой. Не прогнал. Прямо боярыней смотрится. Тут пару хороших жеребцов украсть надо чтобы такую одёжку справить. Шелка.

– Помогает мне отвары да мази делать...

– Да чего, мне-то что, хочешь серебро на девку тратить, так трать.

– Постой... Фрол... Вы этого того... Тати? Грабить нас удумали? Ты же десятник в дружине у князя Остея? Как так-то? – Коська кивнул на двух подельников Фрола, что стояли перед Орликом, – Твои люди? Тати тоже? Как же так? А князь чего?

– Ай, – махнул рукой, бывший теперь, надо понимать, десятник княжьей дружины, – Князь! Он князь, а мы грязь! Выпороть меня велел. Собака! Пришлось своих же дружинников покалечить и бежать. Эти... ай, мужи по дороге попались. Теперь вот три седмицы уже в лесу живём. Землянку выкопали. Смоляне. Там мор прошёл. В Москву подались. Их поймали дружинники князя Володимира, да на кол хотели посадить, но Господь не попустил, сбежали по дороге в лес, а тут и я на них вышел. Щипаем купчишек. Но не душегубствуем. Так и живём. Да, чего всё об нас, ты-то как в Кремле, Касьян поживаешь? Этот рыжий говорит, что самого князя Дмитрия лекарь?

– Лекарь...

Касьян тыковку начал почёсывать, ну чтобы соображалось лучше. Как там, русские своих не бросают. А Фрол для него точно свой. Эти два смолянина не свои, но тут как при СССР продуктовый набор, с шоколадной конфетой «Гуливер» обязательно положены зачерствевшие конфеты «Коровка». Если позвать Фрола к себе на службу, ну, не бросать же его, то эти двое в нагрузку обязательно получатся. Нужен ли ему Фрол? Дурацкий вопрос, меньше, чем через год, в конце лета, сюда ордынцы пожалуют. И иметь в помощниках опытного воя плюс к процентам выживаемости в предстоящей передряги. Денег у него если и не куры не клюют, то прокормить, одеть, обуть и конём одного ратника обеспечить, хватит. А этих двух? Да легко и этих двоих. Стоят ли они того?

– Чем люди твои занимались в Смоленске? – Коська в принципе решил брать уже полным набором, но вот куда их девать?

– Ратники были. В княжьей дружине, – Фрол поманил рукой соратников по татьбе, – Это Демид, а это Касьян.

– Смешно. Два Демида будет и два Касьяна. Фрол, мы в деревеньку едем, Барвиха называется, тут недалече верст семь, наверное. Давайте с нами. У вас лошади есть?

– Как не быть. Справных коней себе добыли. Тут стоят в ста саженьях. А чего там в той деревеньке, помощь наша потребуется? – Фрол активнее замахал рукой подзывая тёзок.

Событие девятое

Целый караван получился в итоге. У Фрола и компании не только три верховых жеребца оказалось, но ещё и телега с кобылой. И вся телега была всяким полезным добром завалена, в том числе и четыре мешка ячменя и мешок пшеницы. Договорились они с Фролом так, пока Коська определяется с покупкой подворья в Москве, где-нибудь в районе Трёхгорки, поближе к Кремлю, тати поживут пока в Барвихе, а может и вообще там перезимуют. Если есть хороший дом и баня, то зачем лезть в переполненную Москву. Чего там делать? Клубов с дискотеками нет. Коську защищать? Так никто на него в Кремле не нападает. Готовиться к обороне Москвы? Так рано. Опять же могут татей опознать или князь Остей или Владимир Храбрый, люди их, что знают разбойников. А в Барвихе тишина и поля вокруг с лесами, где можно быстренько укрыться.

– Нужно посмотреть, что за домина. Там мобуть и нельзя зимою жить, сдохнешь от холода. Опять же кто обстирывать будет? – глубокомысленно изрёк Касьян старший. Ратнику лет тридцать, и видно, что в боях побывал. На щеке шрам от сабли или меча и шрам широкий, борода не скрывает.

– Конечно, приедем посмотрим, – согласился с тёзкой Коська.

В Барвиху въехали уже под вечер, солнце почти горизонта или верхушек деревьев коснулось. Пока базар базарили, пока ждали татей этих недоделанных, те целый час собирали бохатство, нажитое непосильным трудом. Плюс дорога до их землянки и обратно.

– А сено же заготовили, и в схроне овса десять мешков? – Демид не рыжий, а сивый, самый возрастной из татей, лет пятьдесят ратнику, оказался и самым домовитым, – сено – клевер сплошной. Жалко бросать.

– И не надо бросать. Если в Барвихе останетесь, то стоняете несколько раз попозже сюда и вывезете всё.

– Ото дело. Всё вывезем, не сумлевайся, лекарь.

Барвиха Коську озадачила. Боброк старший сказал, что тут семь дворов. Коська прибавил дом самого боярина, который пятистенник и у него восемь получилось. А вот стали они с небольшого холма к реке спускаться и тут вся Барвиха как на ладони. И хоть справа налево считай, хоть задом наперёд, а восемь не получается. Получается одиннадцать. И один ещё домишко на отшибе и оттуда звон раздаётся и дым валит. Ну, не из дома самого, а из кузницы небольшой по соседству. Итого двенадцать. Размножилась деревенька почкованием. Чуть не два раза больше, чем по словам и бумаг... ай, пергаменту.

Это и Демид Рыжий сразу заметил.

– Не туда что ль приехали? Совсем не семь тут домин.

Ну, возможно. Ехали по словесному описанию ключника больше, да по каким-то старинным воспоминаниям самого Демида. При этом несколько свороток с этой дороги было.

– Давайте подъедем и спросим. Чего время терять, – Фрол, понятно, сразу одеяло на себя перетянул, командовать начал.

Спустились с холма. Их заметили и народ попрятался, только два древних деда вышли к рогатке, что перегораживала въезд в единственную улицу поселения. У одного ветерана битвы на Калке был в руках цеп. Ну, если им по роже точно попасть, то кровь пойдёт. Всё из дерева и только два кольца железные. Второй аксакал-саксаул был с топором. Маленьким. Типа томагавка. Возможно, и у русских такое оружие было, когда они по деревьям лазали. Чего уж индейцы не самые умные в мире, додуматься кинуть топор и не гений может.

– Бог в помощь, отцы. А скажите, как деревня ваша называется? – Фрол и тут командирские качества продемонстрировал.

– А вы кто такие? – вроде не похож на еврея дедок, пейцев нет, тубетейки тоже, в треухе стоит, а отвечает вопросом на вопрос.

– Ты на вопрос отвечай! – взвил коня на дыбы десятник... а бывший десятник.

– Подожди ты за плетъ хвататься Фрол, князя вспомни. Так как деревня ваша называется, отцы? Если это Барвиха, то боярин Боброк Дмитрий Михайлович мне её подарил. Я теперь хозяин этих земель. Ну, если это Барвиха. Барвиха?

Коська еле успел ратника остановить, тот уже плетью замахнулся на дедушку с топором, он пошустрее второго ветерана оказался, вылез вперёд с вопросом.

Деда переглянулись, бухнулись на колени, скрипя суставами и побросав оружие стали лбом о мать сыру землю биться.

Глава 4

Событие десятое

Всё же не ошиблись они. Эта деревенька оказалась той самой Барвихой. Почему тогда в ней домов больше? То ли забыл Боброк старший, то ли не посчитал достойным его внимания, а было, как оказалось, прошение трёх старших сыновей выделиться из-под родительской опеки и зажить своим умом. И староста деревни испросил на то разрешение ключника боярина Боброка и получил положительный ответ. А по кузнецу, так прибёг ещё год назад тот с семейством с Рязани, там татаровья у него всё спалили и дом, и кузню, прознал, что мастеров охотно на Москве принимают, вот и ушёл от татаровой подальше. И тоже разрешение старосты получил. Вывод какой? А пофиг боярину на мелкую деревеньку, полно у него таких. Эта, кстати, не совсем Дмитрия Михайловича, а если правильнее, то совсем не его. Это его жены деревенька, ей в приданное князем Дмитрием Ивановичем выданная. А кто у нас жена? А жена у нас мать её... жена – это сестра самого Дмитрия Донского. И дарственная на деревеньку не от боярина Боброка, а от княжны Анны Ивановны. Сейчас ещё те посконные времена, когда приданное до смерти жены ей так и принадлежит. Не одна они с мужем сатана.

А вот с домом боярским не обманул Боброк старший. Дом действительно есть. Да не просто дом, а целое подворье. Там и конюшня на пяток лошадей, и сарайчик небольшой, и сеновал крытый и как это ни странно выглядело беседка настоящая. Есть и в самом деле баня, а не банька, на берегу речки Семинка, что в Москву реку впадает. Это приличное такое строение в три – четыре раза больше стоящих рядом крестьянских банек кособоких. Сам же боярский дом для деревни необычный. Он не полуподвальный, а полуторозажный, так как мезонин есть под крышей, так ещё первый этаж оторван от земли и имеет настоящий деревянный пол из толстенных плах лиственных, а под ним есть полноразмерный, под всем домом, подвал шесть на девять метров высотой метра в три, и он оббит доской из лиственницы, чтобы не гнила древесина.

– Просто идеальное место для производства сыра, – осматривая этот огромный подвал сообщил сам себе Коська. Фрол не полез с ним, как и Демид, одному неохота, а второй всё же чуть хромает, как не бился над ним Коська, и по приставной лестнице побоялся спускаться в темноту, во ад.

– Туточки обожду, что я подклетей не видывал.

До темноты успели со всеми жителями познакомиться. И даже муку раздать. Только семь на одиннадцать не делится, и не заниматься же пересыпанием из пустого в порожнее, потому, четверым по жребии выпали мешки с ячменём, позаимствованные у Фрола и его банды.

– Да не сумлевайся, десятник. Выдам вам денег, съездите в Москву на рынок и купите себе всего, чего надобно, чтобы зиму пережить в этакой хорошине. Даже и потом ещё Демиду с подарками пришлю. Ему, если что, свои хотелки скажите.

Что можно о зажиточности деревеньки сказать? Ну, вполне себе. То ли не попадала в последнее время под руку воюющим, из-за того, что в стороне от дорог, то ли княжна Анна им деньги на восстановление выделила, но в каждом доме есть и лошадь, и корова, а у некоторых и по две. Делают маслице и творог, как сообщил Потап – староста Барвихи, и на рынок в Москву возят. В каждом доме есть и козы. А у старосты так целое стадо, десяток, не менее. Про всяких уток и кур и говорить нечего, их стада целые рыщут по деревне и по берегу реки.

Помогать «своим» крестьянам материально Коське сразу расхотелось. Вполне себе нормально живут. Полечить пришлось. Это да. Зубы восстанавливать не стал, а вот две грыжи вправил и залечил, и одного дедка вылечил. У него беда была настоящая, ещё бы несколько

дней и помер. Ему бык в бок боднул и сломал ребро, которое проткнуло лёгкое. Но видимо не сильно и не глубоко. Плюс догадались дедку тугую перевязку сделать. Коська с такой болячкой один раз сталкивался, причём совсем недавно, и главной лечащей силой был тогда брат Епифаний, он выправлял рёбра и соединял их концы, а Коська потом только огромное количество лекарское энергии влил. Так что рёбра уже через пару дней срослись. А тут всё одному пришлось делать. Почти одному. Фрол с Демидом – эти два богатыря дедка фиксировали, держали за руки и за ноги, чтобы не дёргался, когда лекарь княжий ему ребро, сломанное, на место пристраивал. Ору было много. Так-то зелёное пламя боль уменьшает, но когда грязными пальцами в рану лезут, то никакое пламя не поможет, ни зелёное, ни красное. Красным, кстати, бедолагу уже попотчевали, рану прижгли. Не помогло бы, но хоть Антонова огня не будет.

А на следующее утро началась веселуха. Перфекционист Демид Рыжий пошёл по домам с требованием показать ему рожь. И начал морды бить. Не в переносном смысле, а в самом прямом. Бамс и стоит крестьянин придерживаемый за шкурку, а из носа у него юшка хлещет. Это придурок не захотел рожь перебирать. Дескать отцы и деды так жили, и я, бог даст, проживу. Чего выделываться?!

– Ах ты, сморчок! Тебя дурня от смерти спасают, а ты кобенишься. На тебе в грызло. Нормально? На ещё в пузу. Полегчало. Покажешь завтра перебранную рожь. Все чёрные зерна – склерозии эти мне отдашь. Я велю высыпать мешки и проверю, если снизу окажется неперебранная ржица, то скулу сверну, чтобы только юшку мог хлебать. Если понял – кивни, последнюю присказку ратник бывший от Коськи перенял. Понравилась. А тут в первый раз и использовать пришлось.

Крестьянин лужу не наделал, но усиленно закивал разбрызгивая кровавые сопли.

После посещения третьего дома народ всей массой, считая грудных детей, бросился рожь перебирать. А староста пришёл жалиться на Рыжего Касьяну. Ну и тоже отгрёб. На этот раз от Фрола.

– Ты морда дурная, бога не гневи, вас от болезней лечат, от голода спасают, подати за этот год не требуют, а ты ещё поклёп на ратника затеял, на тебе в харю немытую. Мойся иди, кровь смывай.

Событие одиннадцатое

– Три мешка? – Коська репу почесал. Мысль пришла неожиданно. Даже не пришла ещё полностью, мелькнула. Но Касьян её остановил, не дал испариться. За хвост поймал и назад в свою тыковку засунул.

С одной небольшой деревеньки получилось три мешка с псевдосклеротий. А ежели такую акцию провести массово по всей стран... ай, по всему княжеству Московскому. Это же можно сотни и сотни мешков с этим ядом набрать. М... А дальше? А дальше... В муку размолоть... Это обязательно, уж больно сильно эти зёрна отличаются от обычных. Никто из таких кашу варить не станет. А так тёмная мука. Аржаная. Даже немного можно нормальной добавить, чтобы светлей была. И из этой муки напечь хлеба, а потом превратить в сухари. Пожарить на масле с чесночком. Ну, можно и просто высушить на солнышке. И? И оставить в складах с юга от Москвы. Подойдут поганые и разграбят эти склады. Да, яд от спорыньи не мгновенный, но такая его концентрация сведёт с ума гарантированно в кратчайшее время. А домой ни один живым не доберётся.

Чтобы это как-то залегендировать, нужно чтобы князь Дмитрий Иванович издал указ о создании складов с продовольствием для похода на Орду.

– Стоять. А ведь есть ещё один способ уменьшить количество татаровей, пришедших грабить Москву. Нужно организовать сбор коричневых мухоморов и бледных поганок, сварить отвары, добавить меда, запечатать в бочки и оставить рядом с сухариками. Сухарики подсолить. Поел солёного яда и запей из бочки сладеньким. Ядом.

Мысль Коське понравилась. Сколько можно татаровей убить из арбалета? Десять. Да чёрт с ним, как великий снайпер он двадцать положит. А сколько убьёт поганых двадцать бочек с мёдом и отваром бледной поганки? Тысячу? да даже пусть пятьсот. А сто бочек и сто корзин с сухарями? Генуг гегенубер. Кончатся агрессоры. И для самого хана Тохтамыша заготовить угощение. А что можно использовать? Он мусульманин. Вино не подойдёт. Мясо вяленое? Ну, они могут свининой посчитать. Стоять. Сыр!!! Сыр с добавлением бледной поганки! Осталось малость. Научить «своих» крестьян делать сыр. И сделать это нужно как можно скорее. Сыру вызреть полгода, а хорошему год. А у него уже только одиннадцать месяцев осталось. А ещё ведь нужно сычуг приготовить. Он неделю, а то и две будет сохнуть в такую дождливую осень.

Здесь хотел Коська сделать сычуг. Он ведь проводил в Менске эксперименты и убедился, что сычуг этот есть у любого жвачного животного, не обязателен ягнёнок. Можно взять козлёнка, тут в Барвихе с полста коз. Можно даже телёнка, если они есть сейчас. Заплатит, сколько бы хозяин не запросил. Гибель войска Тохтамыша стоит нескольких грошей, да даже одного флорина стоит, хоть на него несколько взрослых коров купить можно, а нужен совсем молодой телёнок.

И передумал Коська, уже до дома старосты вприпрыжку добежав. Как же такая хорошая мысль в его рыжую голову заскочила, чего не радоваться, чего не прыгать?! Но дойдя до дома старосты Потапа парень остановился. Выдавать секрет приготовления сыра целой деревне не хотелось. Жалко. Пусть считают сычуг волшебной добавкой. Он же хельг, а хельг – это волшебник, вот у волшебника и есть волшебный порошок, превращающий молоко в сыр.

Пара дней ничего не решает. Съездит в Москву, купит там ягнёнка, убьёт и достанет четвёртый желудок, потом надуёт и высушит. И вернётся сюда уже с готовым сычугом. А ещё котлы медные купить надобно. Что-то не бросились ему в глаза большие котлы у крестьян. Зачем им, да и это очень дорого.

А вот одно нужно сделать прямо сейчас, потому как буквально через несколько дней будет поздно. И тогда вся идея коту под хвост. Нужно и самому с ратниками в лес за грибами идти и всех местных, включая детей и стариков, отправить. Как залегендировать необычность

нужных грибов? А не надо ничего легендировать. Он хельг. Всё! Ему для мазей нужны коричневые мухоморы и бледные поганки. Погнали!

– Потап! – Коська забарабанил в дверь старосты.

Вскоре заспанная рожа высунулась.

– Подати за этот год я вам все прощаю, ну, да говорил уже. Но одна работа мне от всех жителей Барвихи нужна. Мне для мазей и отваров лечебных нужны некоторые грибы. Сейчас организуй поход в лес всех жителей и мужей и баб и деток лет с семи, мне много грибов надо. Мы все вместе с вами пойдём.

– Так нету в лесу путного ничего, не сезон, отошли грибы, одни мухоморы разве остались, ну ещё опята перезревшие.

– Дурачина ты простофиля! Ладно, Потап, вот скажи мне, почему всё что я делаю ты в штык... поперёк обязательно норовишь сделать. Мне нужны коричневые и зелёные мухоморы. Зелёный ещё бледной поганкой называют или Шапкой смерти. (death cap «смертельный колпак»). А ещё на пнях растёт небольшой грибок такой на опенок похожий, только жиденький. Коричневый семейками как опята растут. Вот если попадётся, то и его надо.

– А хорошие грибы не брать? – сунул себе палец на всю длину в ноздрю староста. Озадачился.

– Хорошие. М... Картошечку с груздями пожарить... Нда. Ну будут пусть берут, посмотрим.

– А сколь? – палец схрон не покинул, потому гнусаво вышло.

– Мухоморов и ложных этих опят, чем больше, тем лучше. А съедобных, ну супчик сварить. Пусть берут какие попадутся, потом отсортируем. Выходим через полчаса. Веди где грибов больше.

Событие двенадцатое

– Это сюда. Этот вот сюда. А этот в... ну, давайте вот здесь кучку соорудим.

Как там сбор грибов называют? Тихая охота. Чего этим охотникам желают? Ни гвоздя, ни жезла, пусть будет: «ни гриба, ни лукошка». Теперь поздно уже, все из лесу вернулись, в том числе и Коська со «своими» ратниками. Целых четыре теперь. Слуга царю отец солдатам. Раньше три танка было, а теперь, вон, гораздо больше – четыре ратника. И народ принёс полные корзины поганок. Правда, даже поверхностного взгляда хватило, чтобы понять, что среди этой горы грибов нужных не больно-то много. Прямо бросалось в глаза, что больше всего крестьяне с детишками набрали красных мухоморов.

– Не, ну из них мазь от артритов можно сделать, – утешил себя Коська и приказал мухоморы красные не выбрасывать.

Съедобных грибов вопреки уверениям старосты, что сезон закончен, было прилично. И красноголовики были и грузди и даже несколько белых. Эти пока отложили в сторону. Нет, грибницу сварить обязательно надо будет, да пирог с грибами не повредит организму, но не за этим же в лес ходили.

Когда из разложенных на траве грибов выбрали красные мухоморы и съедобные грибы, то осталось не очень и много. Было с десятков бледных поганок или мухоморов зелёных. Были мухоморы с серыми и коричневыми шляпками. Константин Иванович довольно слабенько в ядовитых мухоморах разбирался, просто не бери мухоморы и будет тебе счастье. Не умрёшь. Но так на краешке памяти была информация, что коричневый мухомор скорее галлюциноген, а вот пантерный, очень на него похожий – сильно ядовит. Ну, как тут разобраться. Пусть будет раз принесли, если Тохтамышу дивы привидятся и домой его пошлют, тоже не плохо. Ложных этих опят было полно, и они были разные. А чего выбирать, ну одни сильнее отравят другие слабее. Если их смешать, да при большой дозе, ничего хорошего отведавшим не грозит.

– Смотри, Потап, вот эти грибы нужно повесить сушить. И не трогайте их, они очень ядовиты, смотрите если детям малым в рот попадёт, а они всё подряд в рот тащат, то ни один лекарь не поможет. Объясните тем, кто соображает уже и сделайте так, чтобы совсем маленькие не смогли до них добраться.

– Так в бане, если подтопить ещё, быстро высохнут. Не бойсь, лекарь, не потравимся, – уверенно отмахнулся староста.

– Ну, и хорошо. Мало тут. Если погода позволит, то через седмицу где-нибудь опять сходите всей деревней. Только берите вот такие, никакие другие не нужны. И сушить так же отправить в бани. Я через две седмицы приеду. Заберу часть.

Остающимся в Барвихе Фролу и двум его подельникам смолянам Коська тоже задачу выдал. Точно такая же.

– Ходите каждый день в лес за грибами. Себе потушите или груздей насолите, соль я привёз. Думал крестьянам отдать понемногу, но раз вы тут остаётесь, то вам оставлю. Приеду через две седмицы привезу муку и крупы разные. И серебра вам оставлю, можете у местных молока покупать, творога, сметаны. Поговорите с Потапом, чтобы для вас хлеб за плату пекли, да хоть пироги.

– Ты, Касьян, смешной. Словно с детьми малыми. Это ты ещё недоросль, а мы мужи взрослые, вои. Господь не попустит, проживём. Мне только непонятно, зачем мы тебя, объяснить обещал, – нахмурился Фрол.

Услышав про объяснить и Касьян, и два Демида подошли поближе.

– Это... Вот... Хм... А чего... В общем, вои... Я могу в будущее иногда заглядывать. Хельг же. Так вот, увидел я, что в конце лета следующего года сюда с несколькими тысячами ордынцев пожелует их новый хан Тохтамыш. Придет требовать дань за несколько лет, да ещё

в двойном размере. Князь Дмитрий Иванович сбежит из города, и все князья и бояре с ним и даже митрополит с семьёй княжьей сбежит. В Москве бунт начнётся, но там появится князь Остей. И паникеров разгонит. Хан попытается город приступом взять и не сможет. Тогда он пошлёт князей нижегородских на переговоры и те уговорят москвичей открыть ворота, бо хан им ничего не сделает. А Тохтамыш обманет. Он убьёт всех москвичей и сожжет Москву. Тридцать тысяч человек убьют и утопят в реке. А хан разорит все окрестные города и села и вернётся домой с десятком тысяч рабов и огромными богатствами награбленными, и Дмитрий Иванович потом до самой смерти будет Тохтамышу двойную дань платить.

Коська оглядел притихших ратников, те смотрели не на парня, а в пол, неструганный в их дому.

– Хочу я поправить немного события эти. Пушки льют, пищали ручные. Теперь вот яда немного собрали. Есть у меня мысль, как несколько тысяч поганых к их Аллаху с вестью отправить, что нечего им на Руси делать. Опасно тут, и тут им не рады.

Глава 5

Событие тринадцатое

– И как четыре человека справятся с десятком тысячей? С туменом целым? – они сидели у очага в доме за большим столом, чуть не из цельного куска дуба изготовленного, и ужинали. Не, не фрикасе, чем бы это ни было. Обычная каша из дроблёной пшеничной крупы с мясом. Сечка? Ну, наверное. Не силён в приготовлении каш оказался Константин Иванович, тут ему каждый день почти что-то новое подсовывают. Репу туда обильно покрошат, рыбу, меда кинут. Как только не изгаляются.

Вопрос задал Фрол. Нет, Коська им уже всё по полочкам разложил, как он травить поганых собирается. И на удивление парня никаких рыцарских воплей, что так не воюют честные вои, не последовало. Не было воплей Видоплясова: «Мы не они, мы не будем уподобляться». Может, рыцари – это там, в Европах, прыщавые юнцы, воспитанные на романах Вальтера Скотта? А тут татары дух рыцарства выбили из людей, если он и был. Или это вообще дворянские заморочки, а обычному ратнику просто убить врага надо, без рыцарства всякого?

– А десять человек не спасут отца русской демократии?

– Чего? Чьего отца? А кто твой отец? Деморат? Грек что ли? – влез тёзка смоленский.

– Иван у меня отец... был. Хотел... А ведь интересно. Демид, как думаешь, можно найти в Москве таких, как ты больных, но чтобы руки ноги на месте были, ратников опытных и вылечить? И вылеченных сюда. Ну, рядом можно вторую домину пристроить. Арбалетами такими, как у меня, всех снабдить, бронёй хорошей, мечами лучшими. Да и пицаль каждому отлить. Коней мощных купить. Зачем? А вот когда поганные побегут... м... да даже если не сгинут здесь и не побегут, то просто преследовать их до самой границы лесов, нападать из-за засад и ночью и убивать, и убивать. За три там месяца, пока они, отягощённые пленниками и обозом, до степи своей доберутся мы их тысячу уничтожим.

– Ох ти! Я бы сказал парень, что дурень ты, дурень думками богатеет. Но нет, видел я тебя в деле. С тобой и в правду же мы сотню за пару дней покروшили и не степняков, что не вои, а тати, а воев настоящих. Давай сюда своих поставленных на ноги, чего они не знают научим, а чего они знают, а мы нет, так тоже выучим, от них переняв.

– Пару лучников настоящих бы нам. Лучник в бегущую на тебя толпу много больше стрел отправит, чем арбалетчик.

Это Фрол с Касьяном опять влезли, но сию аксиому Коська и сам понимал. Где взять таких людей? Вот и ждал ответа Демид Рыжего.

– Я двоих знаю. Вместе у монастыря милостыню просили. У Андрия рука правая усохла после ранения. А Поликарп? У него внутри чего-то... ходит согнувшись, словно поклоны бьет. Выпрямиться не может. Сможешь ли таких излечить, Литвин?

– Откуда же мне знать. Но попробую точно. Допустим, что вылечу. Это только шестеро будет. Ещё бы четверых и лучника среди них, а лучше двух, тут Касьян правильно говорит, – оглядел парень татей.

– Откель. Мы тут никого не знаем.

– А я народ на торгу и у монастырей поспрашаю, – мотнул рыжей бородой Демид, – народ подскажет. Ну, а нет так чего только убогих. Ватажку собрать можно и из здоровых. Многонько лихого люда на Москве. Спросить лучников, так лучники и объявятся, за серебро-то звонкое кто угодно объявится, – бывший ратник видно, что загорелся идеей побить татаровей. Натерпелся пока его Коська не вылечил. Мстя его будет лютой.

– Договорились. Ладно, поели, теперь спать, мы с пятахами поедem в Москву, а вы тут не лежите на пузе, а тренируйтесь. На мечax. Фрол, организуй всё, как в Менске было. Ножи у меня с собой метательные есть. Арбалет... м... нет, арбалет не оставлю, я не трус, но я боюсь. А ну как ещё тати нападут. Взять с нас нечего, так жизни и Орлика заберут. Не, не оставлю, – Коська осуждающе посмотрел на Демида, – И умников всяких слушать не буду. Места тут тихие, Москва рядом. Заповедные, ексель-моксель места. Лоза тоже мне тут нашёлся. Заряжу арбалет и на коленях держать буду. Татями весь лес забит.

Тати заржали.

– Фрол, вы это... только не задирайте местных. Они мне нужны. Сыр отравленный будут делать. Они больше ворогов погубят, чем вся дружина Дмитрия Донского и наш десяток будущих в придачу. Девочек не трогайте. Если надо, то женитесь. Дома... Ну, после того как Тохтамыша прогоним. А то ежели у нас не получатся, то татары тут всё пожгут. Нужно будет летом для народа землянок в лесу нарыть. В общем, не задирайте. Через две недел... седмицы появлюсь. Тогда и арбалет каждому привезу. Есть у меня три хороших. Трофейные.

Утром забрали из дома старосты злую и невыспавшуюся да ещё и зарёванную Сашку.

– Какого чёрта, там что с тобой сделали? Да, я их уродов на кол посажу! – охренел Коська. Ничего такого не ожидал.

– Точно посади их там всех на кол, Касьян. У них клопы, вши, тараканы. Мыши пищат. Дети орут. Как так можно жить?!

– Ах, вона чё?! Нда, барыня московская. Ты вспомни как жила год назад. Рожа вся в синяках и не ела неделями. В лесу ночевала. Там точно нет ни клопов, ни вшей. Да и тараканов нет. А вспомни как полгода выживали всю эту нечисть из княжеской хоромины. Как с соседями боролись месяцами, чтобы они все шмотки в бане прожарили. Всё! Залезай на телегу, никто тебя с нами не тащил за верёвку, сама напросилась, чего дома не сиделось. Приключений хотела, ну, получила. Кушайте полными ложками на здоровье. Вот чего я с тобой вожусь?! Выгнать давно надо было.

– Не выгоняй меня Кося, я тебе пригожусь, – вот стерва, сказок наслушалась про Емелю.

Событие четырнадцатое

– Твою мать! – Касьян отошёл на шаг от Андрия этого. Вонь такая стояла, что святых уже не надо выносить, они от «запашка» сами дом покинут. Ещё и мебель с собой вынесут.

А чего, Демид он быстрый как понос. И решительный как арифмометр. Сказал, что приведёт Андрия. И вот он с самого утра стоит перед лекарем Литвином. Как только этих двух товарищей стража на воротах пропустила. Не Кремль, а проходной двор. Не, ладно там в будущем нечего кроме Царь-пушки охранять, но сейчас-то тут и Великий князь с семейством и бояре всяческие и даже сам лекарь княжий Литвин. Безалаберность. Некомпетентность. Кто там отвечает за порядок в Москве? Кошка Фёдор Андреевич? Пра-прадед Мишутки Романовы. Ну, где Романовы и где порядок?!

Прямые были страсти —
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далёко не уйдешь.

Это Алексей Толстой напишет не Коська.

– Демид... Ну, не знаю... Давай так, я тебе сейчас пару грошей дам, да даже пять дам. Ты этого... воя отведи в ба... зайдите на рынок, купите новую одежду. А потом в баню. Все волосы на теле сбрить. Всё! И сверху, и снизу. Вот боклажка с жидким мылом. Три раза чтобы намылил его. Потом переодеваешь сего... воя в новое, а старое всё сжигаете. И мне пепел, как доказательства принесёте, а то знаю я тебя, обязательно в котомку и оставите, на чёрный день. Там болезней десятки... Это кроме вшей. Я пепел проверю. Я же хельг, сразу лжу выявлю. Идите. Дело у меня.

Дело было не важное, а как говаривал Ильич, архиважное. Впервые за целый год магическая книга проснулась. Задание предыдущее, что она дала, видимо, посчитала выполненным. Нашёл Касьян по её поручению зелёную энергию и научился ею пользоваться. Нда. Почти научился. Его по-прежнему вырубало при выпитывании зелёного пламени, но ко всему привыкнуть можно. Вот и Коська привык. Ну, полежит минутки без чуйвств, ну, поорёт над ним Сашка, вот беда, зато потом себя чувствует, как заново родившийся, всю усталость смывает поток зелёного пламени.

Не, Константин Иванович не дурак и не мазохист. Он вполне себе понимает, что источник он себе выбрал великоватый. Не по росту одежонка. И точно так же понимает, что раз есть этот источник, то есть и другие, и среди этих других полно тех, что ему по зубам. Пожиже. Может там и вырубать его не будет. А раз понимал, то и искал. Кузни обошёл, и другие места, где часто огонь бывает. В том же Кремле есть три стационарные места, где в больших котлах варят каши для ратников. В Кремле ничего не нашлось, или, если и нашлись, то крохотные совсем источники. Ещё один огромный выход лекарского огня Касьян обнаружил у стены Спасо-Андронникова монастыря. Но там из-за разлива Яузы тогда болотина была непролазная и Коська в неё не попёрся. Тем более, что выход был даже мощнее, чем у кузницы, ещё вырубит полностью и окончательно. Перегорит лампочка. Встретаться с ключником Петром не очень хотелось, а ну как не пропустит.

Зато Касьян вывод сделал, что дело не в кузнице и ни в огне, дело, скорее всего, в близости текучей воды. Оба источника мощных были, можно сказать, на берегу.

Книга на его находки не реагировала и Коська решил, что всё, генуг, это заключительное задание, и он стал главным хельгом в мире. Урчум-бурчум настоящий. Зашвырнул её под кровать в сунду... чок, ведь не повернётся язык сказать. Сундук тоже. Ну, шкатулку такую. Она

размером где-то полметра на полметра, а вот высота всего тридцать сантиметров. Специально мастера нашёл на торгу, что шкатулки резные продавал, и заказал такую. И засов чтобы был скрытый. До потайных замков мысль творческая ещё не добралась. По крайней мере, в Москве. Но засов работал не хуже, и он умело был скрыт среди резьбы. С первого раза и не найдёшь.

Так Коська засунул книгу волшебную в шкатулку, а шкатулку под кровать. Сначала чуть не каждый день доставал и проверял, а нет ли новых заданий. Потом раз в неделю. Нет, ничего нового, всё про тот же зелёный огонь. Так что, больше месяца Касьян не заглядывал в шкатулку, а тут приехал, и решил посмотреть. И на тебе! Нет больше ничего про зелёное пламя. Обновилась запись. И уж обновилась, так обновилась. Касьян, прочитав, не поверил собственным глазам. Так-то про хельгов разные слухи ходили, и Язеп говорил, что в слухах есть и правды чуток, Коська тогда спросил его про то, можно ли из пальца язычок пламени выпускать, как из зажигалки и прибалт ответил, что сам не видел, но знает человека, который не соврал, уверяя, что знаком с таким хельгом, точнее хельгой, бабка разжигала огонь выпуская огонёк из указательного пальца.

И вот теперь книга отправляла Касьяна в новый квест. Нужно найти источник оранжевого огня. Не зелёного, как до этого и не красного, как подразумевалось, когда про огонь думаешь, а именно оранжевого.

«Знайdzіце крыніцы аранжавага полымя» (Найди источники оранжевого пламени). Коротенькая строчка и всё, генуг. Нет больше ничего. А ведь если подумать, то огонь не красный. Это его называют красным и даже рисуют красным, а на самом деле он ведь... м... и в самом деле, скорее, оранжевый. Жёлто-оранжевый? Красно-оранжевый? Но точно не красный.

Парень сел перед шкатулкой, куда снова книгу волшебную положил, и задумался. А видел ли он где-нибудь, разыскивая источник зелёного лекарского огня, всполохи оранжевого огня. Возможно просто принял их за обычный огонь. Но не компьютер же у него голова. Это тому написал задание, и он весь интернет перевероршит, но найдёт. А тут простая человеческая память, которая с радостью всё ненужное забывает. Да и нужное тоже.

Нет, ничего про оранжевое пламя не вспоминалось, кроме того случая, когда он пытался поджечь с помощью кресала фитиль. Но тогда всё же непонятно было, то ли у него выскочил огонёк, то ли кресало дало такую сильную вспышку.

– И где искать? – задал себе вопрос Коська.

– Что потерял? Давай я найду! – сразу вырвалась из-за своей ширмы конокрадка, – Я глазастая.

– Оставь меня старушка, я в печали...

Событие пятнадцатое

– **Зеленое** – вода. Ну, возможно, вода, раз источники появляются рядом с рекой, не тину же зелёной считать. **Оранжевое** – огонь. Как-то больно предсказуемо. А что ещё есть похожего цвета? – Коська ушёл из покоев и стал по Кремлю туда-сюда ходить, выискивая этот оранжевый огонь. Ничего нового при этом не удавалось обнаружить. Так и хотелось вспомнить фразу из будущего: «От слова совсем». Совсем ничего нового.

Парень подошёл к костру у ворот, на котором готовили еду для дружинников, долго вглядывался в него, пытаясь среди всполохов настоящего огня увидеть волшебные язычки. Оранжевые? А чёрт его знает? Один раз показалось, что необычные язычки трепещут в центре, и Коська сразу к ним руку сунул, обжёгся, нда, вот и весь результат эксперимента. Пришлось себя лечить. И отойти подальше, а то ратники и кашевар на него стали подозрительно посматривать. Литвин, дескать, умишком скорбным тронулся. Нерусь, чего с него взять?! Не басурман, но рядом где-то.

Ещё есть огонь в кузнях. Но там Коська искал зелёный огонь, и не мог его найти нигде, кроме как у Игната. Нет, теперь парень понимал, что там определяющим была излучина Москвы реки в десятке метров, а не огонь в горнах или домницах, но тогда искал долго и тщательно. Мог пропустить. Конечно, если ищешь иголку, то веточку в этом стоге сена можешь и не заметить. Игнат словно поджидал его, стоял у кузницы и головой туда-сюда в разные стороны крутил. Разминал шейный отдел позвоночника.

– Шея затекла и болит при резко повороте, – пожаловался главный оружейник Москвы и её окрестностей.

– Давай полечу немного. Пошли с улицы. А то ещё застудишь. Тогда должен будешь за лечение.

Они зашли в главную кузницу, где аж три горна стояли, и пока Коська понемногу вливал зелёные язычки пламени, сам во все глаза всматривался в разожжённые горны. И бросил это дело вскоре. Среди настоящих огней ничего не было видно. Но третий горн был погашен, и, закончив лечение кузнеца, парень чуть не побежал к нему, показалось, что там огоньки. Нет, не показалось. Были огоньки, только самые обычные, мехами воздух в него уже не подавали, но среди угольев ещё проскальзывали язычки пламени, крохотные и скорее голубые, чем оранжевые, Коська к ним руку поднёс, но кроме тепла ничего не почувствовал.

– Замёрз, зябко на улице, того и гляди снег пойдёт, – по-своему понял Игнат. Коська его переубеждать не стал. Сам пока ничего не знает. Покивал головой.

– Зябко.

Подсказка не подсказка, а намёк ему дал пеший поход к воротам Кремля. На берегу Москвы реки, с этой стороны моста, где кузница, росло дерево с оранжево-красной, начинающей облетать, листвой. Осина. На ней Иуда повесился вроде. И вот что интересно, там в Азии, далеко на юге, не растут осины, но Иуда одну единственную нашёл и повесился.

Касьян обошёл дерево по кругу вглядываясь внутренним взором, но ничего не обнаружил, кроме красивой горы небольших листьев, прямо горящих на выглянувшем в прореху туч солнышке всеми цветами от малинового до жёлтого.

– Вода – зелёный. Вода – жизнь. Ну, допустим. Огонь? Дерево. Дерево горит. Как вариант можно принять. Костром рябин горит там кто-то второго сентября. Рябина? – Касьян развернулся и побежал в сторону Спасо-Андронникова монастыря. Там видел целую рощицу рябин чуть в стороне. Не на берегу Яузы, а на холме, рядом с воротами монастыря.

Рябины были на месте, и свиристели не успели оранжевые ягоды обнести. Коська, радостный в предвкушении удачи, обошёл деревья с оранжевыми ягодами. И... И никаких оранжевых огней рядом не обнаружил. Полная хрень получается. Уже из вредности или от упрямства

парень дошагал до второго... второй... до ещё одной заросли, куртины, рощицы рябин в сотне примерно метров от первой. Она была подальше от стены. Вообще, монахи, надо отдать им должное, что-то в фортификации понимали, и деревья с кустами на тридцать – пятьдесят метров от стены монастыря, сложенной из такого же белого камня, как и кремлёвская стена, были вырублены. Стрелять по супостату так сподручней. Тем незаметно не подкрасться. Две эти колки (рощицы) рябин единственными деревьями вокруг и были, если рябина – это дерево, а не куст.

Коська подходил к рябинам уже без энтузиазма. Это рощица была меньше и была какая-то чахлая, воды там не хватало, или её мочой регулярно желающие посетить монастырь паломники поливали. Но чахлая. И ягодок мало и листья почти все уже облетели. Он зашёл со стороны стены и включил магическое зрение, отрешившись от мирского. Бабам! Мать же ж! Твою же ж! Под рябинами, еле заметными на фоне опавших листьев, из земли выбивались оранжевые огоньки.

Глава 6

Событие шестнадцатое

Так и хотелось Коське в этот небольшой оранжевый всполох руку сунуть. Еле успел отдёргнуть в последнюю секунду. Просто испугался. А ежели его тут вырубят?! Сердобольные паломники монастыря белокаменного мигом валяющегося парня в красивых дорогих одеждах спасут, это его одежонка до такого состояния довела. Тесна, на грудь давит. Нужно раздеть паренька и доступ воздуха к грудям обеспечить. А ещё ему сапоги сафьяновые жмут. И порты узковаты. Жарко поди парню в таких одежонках. Вот и сомлел. А чё если его в Язуз бросить, он там остынет и в себя придёт. Утопнет? Ну, на всё воля божья. Он и мёртвых воскрешал. А ежели перед тем, как бросить в Язуз-то, ноги и руки ему верёвками скрутить? Поможет тогда Господь? А захочет, так поможет.

Как наяву эта картинка перед глазами Касьяна промелькнула, и он отскочил от огоньков оранжевых в сторону, парню показалось, что не только он к ним руку тянул, но и они к нему потянулись. Нет. Не пойдёт так. Нужно ехать сюда на телеге с Сашкой и Демидом, те если чего его поднимут, на телегу забросят, и «домой» в хоромину бывшую Великокняжескую доставят.

Так ещё, может, и книга чего подскажет. Там следующее задание появляется после того, как он выполнит предыдущее. А ведь он выполнил, он нашёл источник оранжевого огня. Прежде чем в него рукой лезть нужно в книгу заглянуть.

Как там во фразе, что приписывают Черчиллю, и которую на самом деле сказал другой англичанин... поумнее Уинстона – Бенджамин Дизраэли: «У того, кто в шестнадцать лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы».

Чуть исправят: «Кто в молодости не был революционером...».

Вот Коськина молодость тянула руку к оранжевым огонькам, а старость Константина Ивановича руку отдёргнула. Успеет. Теперь успеет. Никуда они за пару часов, потребных для организации экспедиции, не денутся.

Вернулся Касьян домой и... А там сидят распаренные ветераны Куликовской битвы и травяные чаи с Сашкой распивают, ватрушки пачками в утробы свои ненасытные запихивая. От Андрия больше не воняет мочой и помойкой, воняет изготовленным Касьяном самолично... ладно с помощью Игната и на его оборудовании, читай котлах, дегтярным мылом. Ну и от сапог ещё тоже дёгтем воняет. Кто же сейчас в доме сапоги в сенях снимает. Нда, а у него ещё и сеней нет, как и дома. Даже прихожей нет. Система коридорная, на тридцать восемь комнат... А где заставить ратников бывших разуваться, перед входом в комнату? Так стибрят. В Кремле же живут. Тут народ ма́сковский – ушлый.

Андрий здоровой рукой себя по лысой башке гладит. От обилия выпитого чая смородинового-мятного испарина выступает на лысине. Коська пригляделся внимательно к инвалиду. Ну, высох, не богатырь. С него примерно ростом и телосложение схожее, может и был могучим воем до Куликовской битвы, но сейчас сдал. Правая рука примотана к груди, не на привязи висит, а именно примотана.

– Ладно. Чего уж, сам позвал. Давай, дружинник, снимай зипун свой и рубаху, буду лечить. Демид, помоги товарищу.

Рука была страшная. Словно куриная лапка, кожа жёлтая и пергаментная какая-то, и она прямо обтягивала кости и жилы. Благо кость у мужика широкая и это не смотрелось как совсем уж ужас – ужас. Но очень неприятно. Мяса там или мышц почти не осталось. В локте ратник бывший мог её сгибать, а вот дальше все движения не получались.

– Поперва и пальцы двигались. А теперь вона. Что есть, что нет. И с каждой седмицей всё хуже.

Андрей без бороды наполовину грязной наполовину седой смотрелся довольно молодым человеком. Может, лет тридцать. Хоть морщины лоб густо перекроили. Вертикальные в основном, хмурятся и морщится часто. Ну, а чего с такой рукой и с такой жизнью улыбаться.

Коська для удобства взгромоздил ратника на стол, обхватил пергаментную руку своими и, прикрыв глаза, начал вливать энергию. Не экономил. После того как истратил всю в Барвихе, сходил к кузнице и в обморок в очередной раз грохнулся. Сашка его из кувшина облила и они, поддерживая друг друга, до моста доковыляли. А там хельга – мазохиста отпустило. Чуть не в припрыжку дальше двигался. Теперь зелёное пламя полноводной рекой вливалось в руку Андрия, а Коська, прикрыв глаза, считал. Решил, что три минуты сначала продержит, до ста восьмидесяти досчитает.

– Сто семьдесят девять, сто восемьдесят, – парень открыл глаза и убрал руки с куриной лапки бывшего ратника.

– Теперь поправлюсь? – в голубых глазах инвалида море надежды плескалось.

Вообще, сволочи все эти правители. Ладно убитые, но вот таких инвалидов надо бы поддерживать. Социализировать. Этому, вон, новиков можно было дать в обучение... Или нельзя, как он сможет научить недорослей мечом владеть, если сам не может двигать рукой? Ладно. Теперь этот точно его – Коськи забота. Сам просил.

– Посмотрим. Завтра после вечерни придёшь, посмотрим, и ещё раз полечу. Должна начаться регене... ай. Должны мышцы начать расти. Посмотрим. Демид, а где его пока обустроить. Говорил, что нужно в Москве небольшое подворье купить. Не в Коломну же его вести?

– Так в гридницкой одну-то ночь перебедем, не страшно. Там все... ну, многие его знают. Не откажет сотник на одну ночь. А подворье? Точно нужно подворье-то, как не нужно, и мне привольней и Андрия пока поселим и... А ежели ещё вои будут. Точно нужно подворье. Завтра же с утра займусь. Только тут у Кремля дорого, может на окраине, там попроще. В Замоскворечье...

– Нет. Ищи в центре, а то вы в этих пробках... м... заторах будете по полдня добираться туда – сюда. М... И кухаря или кухарку себе найдите. Женщину лучше, чтобы и готовила, и за порядком в доме следила, и обстирывала вас. Деньги найду. Мне тут на днях жуковину купец один золотую ромейскую отдал за лечение сына, со смарагдом – красивым зелёным камнем. Думаю, если её продать, то уже на дом хватит.

Событие семнадцатое

Великий князь стоял там же, где и в прошлый раз. Да, практически все там же и стояли. Нет, народу-то прилично эдак поубавилось. Не было двух Ольгердовичей Андрея и Дмитрия и Остея Дмитриевича не было. Они в свои города подались. Как и епископ новгородский Афанасий, да и митрополит Киприан с ним в Новгород подался, всё, праздник закончился. А вот решения по отлиту партии Единорогов Дмитрий Донской не принял. Смазанная получилась демонстрация из-за падения младшего Боброка. Вечно какие-то засранцы прогрессу мешают, и что самое плохое, из вполне благих побуждений. Бабахнуть мажору захотелось.

Касьян, в очередной раз подпитывая иммунную систему князя, заикнулся про пушку, но Дмитрий Иваныч поначалу только буркнул, что своих больше поубиваем, чем поганых. Тогда Коська предложил лишних не звать на демонстрацию повторную, и он сам выстрелит. Вот, чёрт его поймёт, поверил ли Великий князь Московский в приход Тохтамыша, что ему Касьян пророчит чуть не каждый день, но перед тем, как лекарь уже уходил из княжских покоев, тот окликнул его.

– Литвин, давай повторрим. В субботу утрром, после заутррени. Пррриготовься. Не подведи на этот рраз.

Коська за сам выстрел не переживал. Он пятиться не будет, подпалит затравку издали из-за щита, да теперь орудие уже и нормальным зарядом бабахнуло, и показал ствол, что отлили его нормально, не разорвало. Так, что можно и не прятаться за щит, но нафиг это ненужное геройство.

Переживал, ну, может не то слово, но мысли всё время к этому возвращались. Нет видимого эффекта стрельбы ядром на километр целый. Да, когда там будут толпы татар на конях, то несколько сот ядер будут знатным подарком и нанесут ощутимый урон. А вот если одиноким орудием бахнуть по реке на расстояние, на котором даже всплеска не будет видно... Что невооружённым взглядом можно разобрать за версту? Да орёл со своим зрением этого всплеска не заметит. Нету зрелищности, непонятно, на что тратить серебро и много серебра, если эффекта не видно.

Нужно было по идее вынести орудие из Кремля и метров с четырёхсот жахнуть из крупной картечи по стаду коров. Где коров взять? Наверное, не проблема. Для, ну скажем, тридцати тысяч населения Москвы со всеми посадами, забивают в день не менее сотни коров на мясо. Издать указ, что предназначенных на убой коров подвести в определенное время, в определённое место. Убьем. И даже налог с продаж брать не будем. В общем, было бы желание, а зрелищность можно обеспечить.

Останавливало Касьяна одно. У Дмитрия Ивановича есть тюфяки с картечью, а точнее каменным дробом, они и без Касьяна могут палить. А вот из ядра нет. Но как показать с этим ядром эффект. Бить по щиту? Мишень нарисовать и на щит разместить? И поставить метрах в пятистах. И пальнуть! И промахнуться. И точно тогда Великий князь идею с пушками задвинет в дальний угол. Чтобы попасть нужен хороший бомбардир с опытом стрельбы. Нужно чтобы порох был одинаковым. ГОСТ на него нужен. И на ядра. Альтернатива – это стрельба прямой наводкой с близкого расстояния. Но при этом весь смысл артиллерии крупнокалиберной теряется. Ручницы же лют, они дешевле, и с такого расстояния, и они на глушняк татаровеи убьют, а «если нет разницы, то зачем платить больше». И главное, там чуть не кило пороха на каждый выстрел. Это тоже куча денег.

Базара нет, теперь в Коломне на первом в России пушкарском дворе вываривают селитру из земли, срезанной в конюшнях. Как Коська предложил Дмитрия Ивановичу, так тот и сделал. «Поскользнулся» в конюшне и велел в гневе срезать на четыре вершка землю и свежей завезть, а срезанную в бочки затарить и в Коломну отвезть. Зачем? А кто вопрос задаст? Чтобы

в Кремле не воняло. Чтобы капусту, что так любит князь квашенную с клюквой, больше выращивать, Литвин эвон говорит, что та земля урожай увеличивает.

Через неделю, когда всю землю сварили и селитру выделили процесс встал.

– А подать сюда Ляпкина-Тяпкина. Бояре, а чего вам Великий князь не указ? И вы землю срежьте в конюшнях на четыре вершка и везите в Коломну в бочках. Только не вздумайте обманывать, Литвин он хельг, хоть и молодой, отличит правильную землю от неправильной.

В результате уже три с лишним месяца идёт варка земли практически без остановки. Если честно, то произведя первую селитру Касьян усомнился, что Наполеоновская армия получала селитру именно таким способом. Нет, она была. Но процент очень мал. Чтобы получить приблизительно семьсот кило селитры истратили семьдесят тысяч кило дров. Не преувеличение. В больших, пятидесяти, примерно, литровых котлах варили землю день и ночь. А потом, чтобы очистить селитру и сделать её калиевой³, варили полученную селитру с золой. Получилась серая масса. Её опять нужно растворить, слить осадок и вновь выпарить. Так что дрова везли и везли в Коломну. Благо побочным результатом этих варок было мыло. Раз золы в избытке, то поташа наделали пропасть. Чего же мыла не сварить, Коська купил несколько десятков бочек льняного масла и получил столько же на выходе жидкого дегтярного мыла. Чуть лишку, наверное, поташа бросили, так как получилось очень щелочное – едкое. Зато бельё отстирывало на ура, а со вшами боролось просто показательно, хоть выставку с демонстрацией проводи. Так Коська не успел, у него боярская верхушка всё мыло скупила.

³ Нитрат калия (KNO₃).

Событие восемнадцатое

В итоге, считая подмоченный порох переработанный, к этому времени Касьян изготовил около шести сотен кило пороха. Ну и мыла около двух тонн. Мылом из Единорога не пальнёшь. Не, чисто теоретически можно глицерин как-то там получить и его обработать азоткой и спиртом⁴. Но вот кем-кем, а химиком Константин Иванович точно не был, и ничего этого сделать не сможет. Так что дымный порох бессерный на основе канифоли – это даже выше потолка. Его только в двадцать первом веке, кажется, изобретут.

Если выстрел из Единорога это два фунта пороха, то на шесть сотен выстрелов по супостату хватит. Можно десять пушек смело лить. Тем более, что процесс Касьян не останавливал. Бояре после того, как у себя в конюшнях заменили землю, по команде князя отдали тиунам указивки пройтись по своим деревням и сёлам и срезать землю там с коровников и конюшен. Логистика хромала, народ не больно ломанулся лишнюю работу работать, но по паре бочек землю привозили каждый день, а в удачные дни и десяток поступал. Работала пусть и с небольшими перебоями пороховая мельница. И порох не мякотью получали, как ещё будут века в остальном мире, а сразу гранулированный. Ничего же сложного. Порошкообразную канифоль и древесный уголь смешивали в нужных пропорциях с влажными кристаллами селитры, ещё и мочой смоченными чуть, а полученную влажную пасту перемешивали и уплотняли, разминая под тяжелыми вращающимися колесами в пресс-мельнице. Прессованный кек высушивали и перекладывали в мельницу, где его дробили на куски примерно нужного размера с помощью бронзовых зубчатых колес.

Дальше малость оставалась, сортировались по размеру с помощью кожаных сит. Крупные куски возвращались на мельницу, а мелкие – на прессование.

А нужного размера зёрна в кожаных мешках герметично закрывались в небольшие бочонки, все щели которых заливали расплавленным воском.

Словом, за порох теперь можно не переживать. Еще бы уговорить Великого князя заказать у Игната штук двадцать Единорогов. А ежели с ними всё получится и время останется, то замахнуться хотя бы на один 12-фунтовый Единорог. И вот там уже можно даже бомбами с порохом внутри палить.

– Готов, Ваша Светлость! – Коська запалил от кресала⁵ и кремня трут, а от него фитиль.

– Как там Воррон кричал, – усмехнулся Дмитрий Иванович, – Триста тридцать три!

Коська, прикрываясь щитом, ткнул фитилём не длинной палке в запальное отверстие. Читал, где-то Константин Иванович, что попозже будут раскалённый на жаровне прут металлический для этого дела использовать. Но решил, что не стоит открытый огонь и бочонок с порохом держать вместе. Нет, он подготовился, порох в тончайшие шёлковые мешочки по два фунта затарен, и только потом в кожаный мешок, плотно входящий в бочку, но мало ли, отскочит от этой жаровни какая окалина крупная и прожжет и кожу, и шёлк и чего? Всё! Аля-улю.

Бабах. Один, два, три. Где-то там на реке должен плюх хороший получиться. Хотя может и несколько. Князь на берег Москвы-реки примерно в версте от этого места наблюдателей поставил по паре человек через каждые двадцать сажен. И так почти до двух вёрст.

Кстати, преподаватель в танковом училище говорил, что вот такие ядра во времена Наполеоновских войн вели себя интересно, они поражали пехоту и кавалерию не только прямым

⁴ На самом деле получить глицерин из мыла нельзя. Его получают из жиров и масел (растительных или животных) путём гидролиза.

⁵ Кресало (от древнеславянского «кресать» – «высекать огонь», «тесать камень») – это металлическая пластинка или полоска из пирофорного металла или сплава. При ударе о кремь из кресала вырезаются мельчайшие стружки. Из-за трения металл сильно разогревается, и эти стружки, взаимодействуя с кислородом воздуха, воспламеняются, образуя снопы искр.

попаданием, но и отрикошетив от земли, при этом такая штука могла и несколько раз произойти.

– Грромко, – когда вонючий дым рассеялся, прогоготал Дмитрий Донской и бояре подхихикнули вразнобой, – посмотррим, что рратники скажут, посланные в наблюдение.

Ждать не стали, народ спустился со стены. Никакого удовольствия стоять там на холодном ветру не было. Хорошо хоть от мелкой мороси козырьки защищали. Назывались они крышей и тут ничего удивительного нет, а вот деревянная бревенчатая стена чуть выше метра с бойницами по краю стены именовалась забором. Наверное, от забора произошло, но как-то и зачем-то было исковеркано. Заборол. Выдумщики эти предки.

Константин Иванович вспомнил, как эти штуки у французов именовались. Тоже весело звучит – машикули⁶.

Внутри Кремля ветра не было у стены, она же и от косого моросного дождя защищала. Ждали минут пятнадцать, бояре уже роптать начали себе под нос, что у них дел полно, а тут из-за баловства этого мёрзнуть приходится.

Всадник на горячем жеребце подлетел прямо к ратникам, окруживших чуть отдельно стоящих Дмитрия Донского и Владимира Храброго с маленьким десятилетним мальчиком Василием. Будущим великим князем Московским с очень непростой судьбой.

– Великий князь, полторы версты почти и отскочив от воды ядро это попало в лодку рыбака, он там верши вынимал, так лодку в щепу, а рыбак потонул.

– Приплыли! – замотал головой Касьян.

– Приплыли другие рыбаки, но я не видел, чем закончилось, десятник меня с известием сюда послал.

– А ведь полторы версты, – хмыкнул Владимир Храбрый.

– Ладно, Литвин, зови в Крремль мастера литейца. Десять Единорогов будем лить. Игнатий сын Семёнов наврроде?

Великий князь Московский подманил поближе Коську.

– Сейчас скажешь, что семье ррыбака помочь надо, как рратникам увечным? Скажешь. А я не прротив. Помогай. Ты стррелял. Ты потопил. Тебе и помогать.

⁶ Машикули (от французского *mâchicoulis*, что буквально означает «раздавить, разбить» + «шея»).

Глава 7

Событие девятнадцатое

Поликарп был немного комичной фигурой. «Грешно смеяться над больными людьми». И в целом не смешно, а жалко бывшего ратника, но если бы, где в театре или цирке, показывали, то народ бы смеялся. Если не под девяносто градусов согнуло мужа, то близко к тому. При этом, чтобы видеть собеседника, инвалид максимально выгибал шею, и борода его немного козлиная вставала параллельно земле и спине. Почему немного козлиная борода-то? Так она, во-первых, белая, полностью седая, при этом волосы соломенные и на них седины почти не заметно, а, во-вторых, она не роскошной такой лопатой произрастает, а клином тоненький, как у Хоттабыча или... козла.

В покои Великого Лекаря Великого князя Демид товарища своего по мытарствам не повёл, а наоборот позвал Коську вниз спуститься.

– Ему тяжело вверх по лестнице идти-то. Немочен. Да и смердит от его хуже, чем от Андрия. Еле отыскал, он на Трехгорку подался у князьего подворья милостыню просит. Баит Владимир Андреевич не жаден, подаёт... и еду ещё выносят под вечер.

Коська спустился, оторвавшись от тупого разглядывания Волшебной книги. Она, мать её, оборзела, он же нашёл оранжевый огонёк, а эта профурсетка ни в какую, ничего не изменилось: *«Найди источники оранжевого пламени»* (Найди источники оранжевого пламени).

И?

Не, про зелёное тоже не сразу до книги дошло. Тугодумная. Или возможно нужно не крохотульку найти, а мощный источник и научиться с ним работать, как он работает сейчас с источником зеленого пламени, став очень и очень сильным целителем, так что даже поклядистый и незлобивый брат Епифаний начинает ему в спину плевать. А остальные московские лекари и травники явно ножи на него тоочччччат, ведь он у них самых богатых пациентов увёл. Не, так-то больных на всех хватит, времена такие, да и лекари под каждым кустом не рождаются и больных с таким образом жизни и питанием каждый второй, но пациент пациенту рознь. Вон, купец Федул за спасение сына целую ромейскую золотую жуковицу Коське на палец надел. И народ лекарский об этом, понятно, узнает, и ещё больше будет зубы точить. Не могли бы они вылечить мальчонку? А разве так бывает, что кто-то признает, что этот хельг лучше тебя. Нет, это ему чёрт ворожит, выскочке.

Нда, от скрюченного ратника воняло точно «хуже» чем от Андрия. Так и хотелось сказать, идите сначала в баню да за новыми шмотками, Коська даже пять грошей с собой взял. Но увидев фигуру ратника решил, что три минуты ничего не изменят, а человеку глядишь получше станет. Он отвёл согбенную фигуру к крыльцу хоромины и совместно с Демидом они разоблачили бедолагу до пояса. Коська решил, что нужно на весь позвоночник воздействовать, разбил его примерно на три участка и в каждый вливал зелёный огонь, считая до шестидесяти. Спина была сплошь заросшая рыжим волосом кучерявым, смотрелось ужасно, и Коська проделал операцию с закрытыми глазами.

– Всё, теперь давайте на рынок и в баню. Демид, а что с подворьем, не нашёл?

– Ох, ти, прости, Господи, вот память никудышняя. Я же чего на Трёхгорке-то делал, я там подворье смотрел, совсем рядом с теремом князя Владимира. Дом хороший, новый почти, года три как возвели. Конюшня есть, коровник, овин и сеновал крытый. Богатое подворье. На берегу Москвы-реки чуть в сторонке баня есть хорошая. Десять флоринов просят, если с серебра на золото переводить.

– Давай так, ты задаток флорин отдай... Ай, ладно, некогда. Сейчас вынесу одиннадцать флоринов. Сразу женщину найми, чтобы вами сырыми и убогими занималась и продуктов купите. И туда двух болезных переселяй. А утром завтра обоих привози на лечение. Поломал своей активностью Демид все планы Касьяну, он хотел с ним и с Сашкой сегодня скататься на Герде или Орлике к Спасо-Андронникову монастырю и сунуть руку в оранжевые всполохи. Ба, они маленькие совсем. Раз в десять по высоте и площади меньше чем «его» источник лекарской энергии, но чем чёрт не шутит, возможно это пламя в сотни раз мощнее и его потом придётся брату Епифанию лечить после мощнейшего ожога. Так до монася ещё добраться надо.

Хотел, но сейчас нужно выкупить дом, и болезных там разместить. Вот не желал же Касьян недвижимостью в Москве обраться. Через год Посады и пригороды Москвы будут полностью сожжены Тохтамышем и его бандой. Сможет ли он его остановить неизвестно, но даже если князь и митрополит останутся в Кремле и им удастся отбиться, то кто помешает поганым спалить город? А защитить от этого князь не сможет, никто на этот раз ему людей не даст, да даже если и дал бы, то больно много татаровей. В чистом поле не отбиться.

Спалят и его приобретение. Десять флоринов коту под хвост. Так-то большие деньги, особенно на Руси, где золота нет вообще. Никакой биметаллической корзины нет. В ходу только серебро, ну и меха ещё, которые даже не второй, а первой валютой считаются. И серебро это привозное, своего не добывают. Это нужно до Урала добраться, чтобы своё золото и серебро появилось.

Подумав о пепелище и так и эдак представляя, как можно предотвратить сожжение недвижимости, Коська вдруг сообразил, что лично для него такой пожар не беда, а благо. Почти благо. Земля-то чуть не в самом центре Москвы останется за ним. И на месте полуземлянки, он вполне себе сможет выстроить терем, как в Менске, даже круче. Размерами побольше... Хотя. А ведь сейчас продолжают добывать белый камень и возить его в Москву на усиление Кремля и строительство храмов и монастырей. Почему бы ему не построить себе нормальный каменный дом, который не будет при каждом пожаре выгорать дотла?

Событие двадцатое

– Подъем Александра свет батьковна. Нам с тобой нужно опять... не, в другое место сходить, но я там тоже могу в обморок упасть, так, что бери с собой кувшин с водой и пойдём. А нет, подожди, сейчас достану, на тебе грош серебряный, если я в себя не приду от твоей воды, то ты найми телегу и привезите с возчиком меня сюда и сразу за братом Елифаном...

– Косенька, давай не пойдём, боюсь я. Я каждый раз бога молю, чтобы с тобой ничего не случилось, сгину ведь я одна.

– Тыфу на тебя! Не каркай. Пошли. Шестнадцать раз ходили и ещё черте сколько ходить, пора привыкнуть. Мне вон завтра двоих ратников лечить... нда... были ратники. Ну, да ладно, вылечим, но завтра кончится зеленая энергия такими темпами, послезавтра снова к кузнице идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.